

Сергей Львович Москвин Разрешение на штурм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=316562

Сергей Москвин. : Эксмо; Москва;

ISBN 5-699-09967-0

Аннотация

Террористы готовы на все, чтобы заполучить новое мощное оружие – портативный ядерный заряд, способный уместиться в рюкзаке одного бойца. И когда физик-атомщик Кочергин, спроектировавший компактную атомную бомбу, отказался работать на международных бандитов, то был уничтожен. Шейх Абу Умар потребовал срочно найти чертежи грозного оружия. По его заданию террорист Шах отправился в Россию. Теперь группе «Антитеррор» во главе с полковником ФСБ Андреем Егоровым предстоит найти и уничтожить исламистов. Нетрудно представить, что произойдет, если террористы устроят где-нибудь «новую Хиросиму»!

Роман издавался под названием «Охота за черным принцем».

Содержание

1. Отель «Макади», Шарм-эль-Шейх, Египет	4
2. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва	10
3. Конспиративная база «Аль-Кайды» – усадьба шейха Абу Умара, северный Пакистан	13
4. Аэропорт Шереметьево-1, Москва	16
5. Квартира Корчагиных, Ленинский проспект, Москва	18
6. Лубянская площадь, Москва	21
7. Центральный округ, Москва	23
8. Усадьба шейха Абу Умара, северный Пакистан	25
9. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва	28
10. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва	31
11. Урус-Мартанский район, Чечня	36
12. Москва, Юго-Восточный округ	38
13. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва	41
14. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва	44
15. Востряковское кладбище, Москва	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Москвин

Разрешение на штурм

«Приобретение оружия для защиты ислама – религиозный долг каждого мусульманина. И если я найду такое оружие, я выполню свой долг».

Из интервью Усама бен Ладена еженедельнику «Тайм» 1999 год.

1. Отель «Макади», Шарм-эль-Шейх, Египет

2 мая – суббота 08.30¹

Распахнувшиеся стеклянные двери выпустили из прохладной кондиционированной атмосферы вестибюля на обсаженную пальмами подъездную дорогу четырех человек: пожилую супружескую пару и стройную молодую женщину с десятилетним сыном. Седой пожилой мужчина в белой панаме, такой же белой футболке, голубых шортах и сандалиях на босу ногу промокнул носовым платком мгновенно вспотевший лоб и произнес:

– Жарко.

– Ну что ты, папа, совсем не жарко, – преувеличенно бодро возразила ему молодая женщина в ярком цветастом сарафане и огромной широкополой шляпе. – Вот часа через два действительно станет жарко. Но мы тогда будем уже на яхте.

– Ох, Оленька, мы с папой и эту-то жару с трудом выносим. А ты говоришь, что будет еще жарче. Зря мы послушали тебя и согласились на эту экскурсию, – вступила в разговор женщина в брючном костюме и такой же, как у мужа, панаме на голове.

– И совсем не зря, – твердо произнесла Ольга. – Вот увидишь, мама, как вам понравится. На море жара совсем не ощущается. Так что ты напрасно беспокоишься. А рыбалка на Красном море, да еще с яхты – это же так интересно! Ты же знаешь, как папа обожает рыбалку. Поэтому было бы просто глупо отказаться от такой интересной и недорогой экскурсии.

– Кстати, тебе не показалось странным, что этот... Как его? – мать Ольги наморщила лоб. – Махмуд взял с каждого из нас на тридцать долларов меньше, чем стоит такая же рыбалка у наших гидов?

– Вот в этом как раз ничего странного, – улыбнулась Ольга. – Все гиды всегда закладывают в цену экскурсий собственный процент. Поэтому стоимость любых экскурсий в городе всегда ниже, чем в отеле...

Ольга не успела закончить объяснение, потому что подбежавший сын схватил ее за руку и заканючил:

– Мам, ну когда мы уже поедим? Я устал. Здесь так жарко.

Ольга перевела взгляд на сына и, нахмутив брови, осуждающе покачала головой:

– Данил, что за тон? Ты же уже большой. Наберись терпения. Скоро приедет дядя Махмуд и нас заберет. А чтобы тебе не было жарко, отойди в тень, под пальму.

Данил насупился и, повесив голову в расчете на сочувствие бабушки с дедушкой, поплелся к пальмам, высаженным по краю дороги. Мать с бабушкой посмотрели ему вслед и, переглянувшись между собой, понимающе улыбнулись.

– Я, пожалуй, тоже подожду в тени, – заметил глава семейства, но выполнить свое намерение не успел.

¹ Здесь и далее указано местное время того населенного пункта, где происходят события.

Как раз в этот момент на ведущей от автотрассы к отелю подъездной дороге появился белый, отблескивающий чисто вымытым кузовом микроавтобус с зеркальными тонированными стеклами. Тихо шурша шинами по асфальту, микроавтобус подъехал к отелю и остановился чуть в стороне от его центрального входа. Из машины тут же выпрыгнул подтянутый смуглый человек в светло-бежевой рубашке с короткими рукавами, черных, идеально отглаженных брюках и таких же черных, несмотря на жару, кожаных туфлях на толстой подошве. Обе наблюдающие за ним женщины мысленно отметили, что своим внешним видом он выгодно отличается от ранее встречавшихся им египтян, не стесняющихся расхаживать по городу в мятых брюках и запыленных резиновых шлепанцах. Одежда идеально сидела на его подтянутой фигуре. Определить его возраст было практически невозможно, так как глаза и всю верхнюю часть лица скрывали темные солнечные очки. Он направился к ожидающим возле отеля туристам.

– Здравствуйте, – произнес мужчина по-русски с ужасным акцентом и, очевидно, извиняясь за свое произношение, улыбнулся. – Рыбалка? – уточнил он, изобразив жестами, что забрасывает спиннинг, и, не дожидаясь ответа объявил: – Я за вами.

Незнакомец в темных очках выглядел куда импозантнее продавшего экскурсию Махмуда, но недавний разговор с матерью зародил в душе Ольги сомнения.

– А где же Махмуд? – поинтересовалась она. – Он обещал, что сам приедет за нами.

– Махмуд... – новый гид виновато развел руками, – не смог. Я за него. Алик, – представился он, картинно наклонив голову.

Его жесты выглядели так комично, что Ольга, не сдержавшись, прыснула в кулак:

– Значит, это вы будете нас сопровождать?

– Да-да, – назвавшийся Аликом гид часто закивал и произнес: – Прошу в машину.

Десятилетний Данил сейчас же вприпрыжку бросился к микроавтобусу. Следом за ним направился дед мальчика, к которому тут же присоединилась его супруга. Невероятным образом Алик оказался возле машины раньше Данила и открыл перед ним дверь. Ожидая, когда ее семья погрузится в салон, Ольга с интересом наблюдала за местным гидом, который не переставал ее удивлять. Несмотря на свой ужасный акцент, он совершенно правильно формулировал предложения, не путал рода и падежи. Когда подошла ее очередь садиться в машину, Алик галантно подал Ольге руку, и она охотно приняла его помощь.

Других пассажиров в микроавтобусе не оказалось. Семья удобно расположилась на обтянутых искусственной кожей сиденьях. Алик, забравшийся в салон последним, обернулся к сидящему за рулем хмурому водителю и что-то отрывисто произнес на родном языке. Водитель резко взял с места. Микроавтобус пронесся по подъездной дороге и, миновав взметнувшуюся стрелу шлагбаума, выехал на автотрассу. Ольга с опаской взглянула на родителей и, обернувшись к gidу, недовольно спросила:

– Нельзя ли помедленнее?

В очередной раз улыбнувшись, Алик утвердительно кивнул головой:

– Конечно, можно.

И опять что-то приказал водителю. Но, как показалось Ольге, скорость от этого не уменьшилась. Правда и машин на дороге почти не было. Водитель умело управлялся с микроавтобусом. И постепенно Ольга успокоилась. Около получаса она расслабленно наслаждалась ездой. Но пейзаж песчаной пустыни постепенно породил у женщины новое беспокойство.

– Долго нам еще ехать? – обратилась она к gidу.

На этот раз Алик ничего не ответил. Лишь белозубо улыбаясь, отрицательно помотал головой. Такой ответ Ольгу совершенно не удовлетворил. Она собралась задать Алику новый вопрос. Но в этот момент водитель неожиданно свернул с трассы прямо в пустыню на едва различимую накатанную дорогу. Теперь под колесами микроавтобуса шуршал не

асфальт, а мелкие камни и песок, что, похоже, нисколько не смутило ни неразговорчивого водителя, ни улыбчивого гида.

– Мам, куда это мы? – припав к стеклу, изумленно воскликнул Данил.

– Так короче. Скоро приедем, – за Ольгу ответил ребенку Алик.

Его голос прозвучал совершенно естественно. И словам можно было бы поверить, если бы... Если бы Ольга не была уверена, что все это время они ехали в противоположную от моря сторону! Она совершенно растерялась, но сидела молча, стараясь не показывать родным собственного волнения. И в этот момент за ее спиной раздался твердый голос отца:

– Простите, Алик, нас с супругой укачало. Сегодня мы никак не сможем поехать на рыбалку. Везите нас обратно в отель. А заплаченные за экскурсию деньги можете оставить себе.

Алик лишь молча улыбнулся в ответ. Но на этот раз его улыбка уже не показалась Ольге обаятельной.

– Я говорю вполне серьезно, – произнес ее отец. – Скажите своему водителю, чтобы поворачивал назад.

В этот момент микроавтобус резко затормозил. Сила инерции бросила туристов вперед. Лишь сидящий спиной к водителю Алик остался неподвижен.

– Приехали, – уже без всякого акцента произнес он.

Ольга изумленно вытаращила глаза.

– А где же море? – растерянно пробормотал сидящий рядом с ней Данил.

Ольга бросила быстрый взгляд в окно микроавтобуса. Они по-прежнему находились в пустыне. Но на этот раз, кроме песчаных барханов, Ольга увидела в окне глинобитное строение с куполообразной крышей, от которого к микроавтобусу шли двое мужчин в чалмах и свободных одеждах с висящими на плечах автоматами. Больше она ничего не успела рассмотреть. Потому что подавшийся вперед Алик одним движением распахнул дверь микроавтобуса, ухватил Ольгу за запястье и вытолкнул ее наружу. Ольга упала на песок, до крови ободрав колени. Прямо на нее упал выброшенный из микроавтобуса Данил.

– Мама! – не столько от боли, сколько от страха закричал он.

И тут же в салоне раздался болезненный вскрик матери. Чья-то крепкая рука ухватила ребенка за плечо и оторвала его от матери. Кто-то оказавшийся за спиной у Ольги грубо схватил ее за волосы и, резко рванув вверх, поставил на ноги. Ольга увидела, как из распахнутой двери, болезненно морщась, выбирается ее мать. Следом за ней придерживаемый Аликом за локоть вышел отец. Ольга взглянула в мертвенно-бледное лицо отца, и ее сердце сжалось. Таким она видела его только раз, семь лет назад в реанимационной палате, куда отец попал после обширного инфаркта. Но даже тогда в глазах отца жила надежда и уверенность в собственных силах. Сейчас же в его взгляде Ольга увидела только обреченность и страх. Лицо Алика, держащего отца за руку, искрилось самодовольством. Ольга не могла понять, как этот отвратительный, жуткий человек мог вызвать у нее симпатию при первой встрече. Как она могла принять его хищный оскал за приветливую улыбку?! Ведь это же злобный, безжалостный зверь, такой же, как его подручные.

Алик что-то отрывисто пролаял. Двое бандитов с автоматами и присоединившийся к ним мрачный водитель отвели Ольгу с матерью и сыном к похожему на склеп мрачному строению. Алик привел туда же бледного от предчувствия непоправимой беды отца и, развернув его лицом к себе, произнес на чистом русском языке:

– Теперь, Константин Александрович, когда все ваше семейство в сборе, я хочу вам кое-что объяснить...

Ольга вздрогнула, словно получила пощечину: египтянин знал имя отца, что самого отца, похоже, нисколько не удивило. Значит, все это (она даже мысленно боялась произнести слово «похищение») не случайно. А стоящий напротив отца бандит продолжал:

– Мне точно известно, что вы, академик Корчагин, один из создателей советского ядерного оружия, а именно – мобильного ранцевого ядерного фугаса!

Он намеренно сделал паузу, чтобы в полной мере насладиться эффектом от произнесенных слов. Но никого эффекта не последовало. Наклонив голову, Корчагин смотрел себе под ноги.

– Несправедливо, когда одна страна или народ владеет оружием, которого нет у других. И вы поможете мне покончить с этой несправедливостью. Вы сделаете для нас ядерную бомбу!

– Нет, – тихо произнес академик и отрицательно покачал головой.

– Я ожидал такого ответа, – совершенно спокойно произнес бандит и вдруг, даже не обернувшись, схватил Данила за шею и подтянул ребенка к себе.

Ольга рванулась к сыну, но стоящий за спиной бандит удержал ее на месте. А назвавшийся Аликом главарь сдавил Данилу горло и, когда тот захрипел, произнес:

– Что же вы молчите, Константин Александрович? Или принципы вам дороже жизни собственного внука?

– Нет! – в ужасе выкрикнула Ольга и снова рванулась к задыхающемуся сыну, но резкий удар под колени бросил ее на песок.

Ее здесь никто не слушал. Бандиты с нетерпением ожидали ответа ее отца. Наконец отец заговорил.

– Оставьте ребенка, – произнес он. – Я все равно не смогу сделать то, что вам нужно. Поймите же: в одиночку собрать ядерное оружие невозможно! Нужно целое сборочное предприятие, лаборатории, коллектив разработчиков, чертежи, наконец. У меня ничего этого нет. И я уже пятнадцать лет не работаю по этой теме.

– Гм, – главарь бандитов озабоченно вздохнул, но все-таки убрал руку с горла Данила и оттолкнул ребенка от себя.

Бабушка тут же поймала насмерть перепуганного внука и крепко прижала его к себе. Ольга снова перевела взгляд на главаря бандитов. Тот вынул откуда-то тонкий одноразовый шприц, наполненный рубиново-красной жидкостью, сдернул колпачок и, разглядывая обнажившееся острие иглы, задумчиво произнес:

– Сейчас мы узнаем, насколько вы были искренни. Это скопаломин, – обращаясь к отцу, он указал взглядом на шприц в своей руке, – иначе «сыворотка правды», позволяющая получать правдивые ответы на любые вопросы.

С этими словами он шагнул к Корчагину, захватил его руку и вонзил в вену острие иглы. Академик сморщился от боли, на его лице выступили крупные капли пота. Он побледнел и, когда бандит отпустил его руку, закачался на ногах.

– Сядьте, Константин Александрович. Сядьте, – услышала Ольга требовательный голос главаря.

И отец действительно опустился на песок и, привалившись спиной к стене глинобитной мазанки, вытянул перед собой ноги. Главарь нагнулся к нему и, четко выговаривая слова, спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Мне трудно дышать, – последовал тихий ответ.

Только сейчас Ольга заметила, как учащенно вздымается грудь отца и как при каждом вдохе вваливаются внутрь его обвисшие щеки. Но ведущему допрос бандиту было наплевать на состояние отца.

– Назовите свое имя, фамилию и возраст, – потребовал он.

– Константин Александрович Корчагин, шестьдесят семь лет, – послушно произнес отец.

– Когда и за что вы получили Государственную премию?

- В 1987 году, за разработку и создание мобильного ранцевого ядерного фугаса.
- Вы сможете повторить эту работу?

Корчагин молчал, и это вывело из себя главаря. Он приблизил к академику свое лицо и с нескрываемым гневом произнес:

– Отвечайте: вы сможете заново сконструировать разработанный вами ядерный фугас?!

- Нет, – Корчагин отрицательно покачал головой.

Резко распрямившись, главарь в ярости ударил кулаком по раскрытой ладони и злобно выругался. Наблюдающая за ним Ольга сжалась в комок. Ей показалось, что еще секунда, и бандит примется топтать ногами ее отца. Но вместо этого тот снова склонился над полулежащим человеком.

- Что вам нужно для его создания, кроме сборочных линий и лабораторий?!

– Исходные материалы... технология производства... чертежи... – медленно произнес Корчагин.

Ольга почувствовала, что отцу становится все труднее и труднее говорить. Его лицо и шея покрылись красными пятнами. А в дыхании появилась одышка и особенно пугающие Ольгу свист и хрипы, уже проявлявшиеся у отца семь лет назад, после инфаркта. Ее сердце сжалось от боли. Главарь бандитов, наоборот, оживился. Его губы растянулись в торжествующей усмешке.

– Вы получите все необходимые материалы, – поспешно проговорил он. – Где? Где находится нужная информация?!

– Чертежи изделия на сборочном предприятии в Сарове, в КБ моего ученика Коли Лобанова... а технология производства в Минатоме... еще записи, в моем личном архиве...

Отец хрипел, с трудом выдавливая из себя слова. Допрашивающий его бандит тоже это заметил и спешил получить нужные ему сведения:

– Назовите имена конструкторов, работавших вместе с вами над созданием ранцевого фугаса!

- Коля Лобанов... Мы с ним вместе... получили Госпремию за изделие...

Голос отца внезапно оборвался хрипом. Силясь вздохнуть, он выпятил грудь и запрокинул голову. Пальцы судорожно впились в песок. Но уже в следующую секунду ладони разжались, а голова бессильно свесилась на грудь. Главарь раздраженно пробормотал что-то и пощупал вену у отца на шее. Не удовлетворившись этим, он оттянул одно веко и заглянул в открывшийся глаз. Потом оттолкнул от себя голову старика и, выругавшись, поднялся на ноги. Ольга не поняла ни слова, но увидела мертвый глаз отца и каплю желтоватой слизи, выкатившуюся из угла его приоткрывшегося рта.

- Нет! – в ужасе выкрикнула она.

Ненависть к бандиту только что на ее глазах убившего самого близкого и родного ей человека придала женщине силы. Ольга вырвалась из рук конвоира и бросилась к убийце. Тот мгновенно развернулся на крик и, когда женщина оказалась перед ним, молниеносно выбросив вперед руку, раскрытой ладонью ударил Ольгу в подбородок. Голова женщины откинулась назад. Бандит тут же обхватил ее затылок второй рукой и резко дернул руками в противоположные стороны. Ольга коротко вскрикнула, но ее крик тут же оборвался.

– Мама, – в ужасе прошептал Данил, глядя, как тело матери с неестественно вывернутой головой падает на песок.

Взгляд мальчика встретился со взглядом убийцы. Но уже в следующую секунду убийца отвел глаза и, обращаясь к своим подручным, скомандовал по-арабски:

- Убейте всех!

* * *

Через несколько секунд все было кончено. На песке остались лежать трупы трех взрослых людей и десятилетнего ребенка. Главарь диверсантов обвел их пристальным взглядом, затем направился к микроавтобусу и, открыв дверь кабины, достал из машины сумку-чехол со спутниковым телефоном. Расчехлив спутниковый терминал, он установил его прямо на песке и набрал номер.

За тысячи километров, в одной из неконтролируемых Исламабадом северных провинций Пакистана, в доме, более похожем на средневековую мусульманскую крепость, чем на современное жилище, морщинистая, но крепкая рука сняла трубку такого же спутникового терминала.

– Слушаю, – отвечая на звонок, произнес человек с обветренным лицом, в белой чалме и одежде исламского шейха.

– Да продлит Аллах твои годы, святейший Абу Умар, – приветствовал своего телефонного собеседника главарь диверсионной группы.

– Как прошла операция? – перебив его, требовательно спросил не склонный к сантиментам Абу Умар.

– Мы взяли русского ученого вместе с его семьей. Но, видимо, у него оказалось слабое сердце, и он умер, не выдержав применения «сыворотки правды». Поэтому нам пришлось убить и всех остальных.

На несколько секунд в разговоре повисла пауза, после чего в трубке зазвучал озабоченный голос Абу Умара:

– Ты снова подвел меня, Шах. Сначала с французом, теперь с русским! Эти ошибки заставляют меня усомниться, верно ли мы поступили, доверив тебе добыть для нашего дела атомный огонь возмездия!

– Француз ничего не знал, поэтому его пришлось ликвидировать, – поспешно заговорил главарь диверсантов. Он, как никто другой, знал, чем грозит виновным гнев шейха Абу Умара, так как сам не раз выступал в роли его карающей десницы. – А с русским действительно произошла ошибка. Но я исправлю ее, хозяин! Перед тем как умереть, русский сообщил мне, где хранится информация об их атомной бомбе, и назвал имя конструктора, который сможет сделать бомбу.

– Что ж, у тебя будет этот шанс, – веско произнес шейх. – Когда ты сможешь прибыть ко мне, чтобы обсудить детали предстоящей операции?

– Я вылечу сразу, как только избавлюсь от трупов.

– После смерти академика в России может подняться большой шум. Поэтому его смерть не должна вызвать никаких подозрений, – предупредил Абу Умар.

– Не беспокойтесь, хозяин. Никто ничего не заподозрит, – убежденно воскликнул Шах.

– Да поможет тебе Аллах! – напоследок произнес Абу Умар и отключился.

Главарь диверсантов тоже положил телефонную трубку и, переведя взгляд на своих боевиков, грозно приказал:

– Что встали?! Грузите тела обратно в машину! Надо заканчивать с этими русскими и убираться отсюда!

2. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва

4 мая – понедельник 12.45

Полковник Егоров, старший оперуполномоченный по особо важным делам, собрал в папку разложенные на столе документы, вложив туда же недописанный отчет о своей последней командировке в Чечню, откуда он вернулся всего несколько дней назад. Составление отчета шло тяжело, и Егоров решил прерваться на время обеда. Он запер папку в служебный сейф и направился к двери кабинета, когда на столе призывно зазвонил телефон внутренней связи. Мысленно усмехнувшись, Егоров снял телефонную трубку:

– Слушаю, Егоров.

Его лицо приняло серьезное выражение. Телефонный звонок шел от самого начальника управления.

– Андрей Геннадьевич, сейчас свободен? Зайди ко мне, – донесся из трубки озабоченный голос начальника антитеррористического управления.

– Сейчас буду, Олег Николаевич.

Егоров быстро надел пиджак, подтянул и поправил узел галстука. Генерал-лейтенант Локтионов не терпел неаккуратности ни в чем, в том числе и во внешнем виде своих сотрудников. Темно-синий костюм отлично смотрелся на Егорове, а подобранные в тон рубашка и галстук выгодно подчеркивали достоинства его спортивной фигуры. А вот причина внезапного вызова заставляла задуматься. Егоров терялся в догадках. Вряд ли вызов связан с его недавней командировкой в Чечню. О ее результатах он подробно доложил генералу сразу после возвращения. Отчет – всего лишь формальность. Вероятнее, речь пойдет о прошлых делах или новом задании. Так и не придя к окончательному выводу, Егоров вышел из кабинета.

Спустя пару минут он уже входил в приемную начальника управления. Выполняющий обязанности секретаря адъютант вскинул голову при его появлении и сейчас же указал взглядом на дверь генеральского кабинета:

– Проходите, товарищ полковник. Олег Николаевич вас ждет.

Пройдя через звукоизолирующий тамбур с двойными дверями, Егоров оказался в кабинете начальника управления. Генерал Локтионов встретил своего подчиненного в расстегнутом пиджаке и ослабленном галстуке, из чего Егоров сделал вывод, что начальник управления взволнован не на шутку.

– Здравствуй, Андрей, – поднявшись из-за своего стола, Локтионов пожал Егорову руку и, указав на ближайшее кресло, предложил: – Садись.

Когда полковник занял предложенное ему место, генерал тоже вышел из-за стола и сел напротив него в точно такое же кресло. Егоров с нетерпением ждал продолжения. Так начальник управления вел себя в первый раз. Вопрос генерала поставил его в тупик.

– Ты «Новости» смотришь? – неожиданно спросил Локтионов.

В Чечне у Егорова практически не оставалось времени на то, чтобы смотреть телевизор, но по возвращении в Москву он старался не пропускать ни одного выпуска новостей. Однако весь вчерашний вечер он посвятил общению со своей двенадцатилетней дочерью, которая после развода Егорова с женой жила с матерью. В отличие от бывшей жены, откровенно презиравшей Андрея за его преданность службе и неумение «делать деньги», дочь Саша отца обожала. Но из-за его длительных командировок на Северный Кавказ и неодобрительного отношения матери встречаться им удавалось не часто. Когда же такая возможность все-таки выпадала, Андрей старался как можно больше времени провести с дочерью.

Вот и вчера, провожая Сашу к матери, он пропустил вечерний выпуск новостей. Поэтому на вопрос генерала ответил расплывчато:

– Когда удастся.

Генерал Локтионов задумчиво покивал головой и произнес:

– Позавчера в Египте в автомобильной аварии погиб академик Корчагин со своей семьей. Тебе эта фамилия о чем-нибудь говорит?

Егоров отрицательно покачал головой.

– А между тем, это отец советского диверсионного ядерного фугаса, – продолжал Локтионов. – Правда, все работы по этой теме он вел под псевдонимом Кочергин. До 91-го года, когда Корчагин уехал из Сарова и перебрался в Москву, его настоящая фамилия была засекречена. Последние пять лет Корчагин, уже под своей настоящей фамилией, работал в НИИ высоких энергий, где руководил исследованиями элементарных частиц. Эта работа велась без оперативного прикрытия с нашей стороны. Охрана самого академика тоже осуществлялась чисто формально. По роду своей научной деятельности в НИИ высоких энергий Корчагин под своей настоящей фамилией неоднократно выезжал за границу на международные научные семинары и конференции. Какого-либо интереса к нему со стороны зарубежных спецслужб зафиксировано не было. И вот он вместе с женой, старшей дочерью и внуком по турпутевке отправляется в Египет и на третий день со всеми родными погибает в автомобильной катастрофе. Накануне египетские власти известили наше консульство в Шарм-эль-Шейхе о гибели группы российских туристов. А вечером о трагической смерти академика и членов его семьи передали все центральные телеканалы.

Закончив, Локтионов вопросительно взглянул на полковника Егорова. Он спросил:

– Есть официальное заключение о причинах аварии?

– По версии египетской полиции, водитель микроавтобуса, везущий семью Корчагина на экскурсию, не справился с управлением. В результате чего микроавтобус съехал с трассы и сорвался в пропасть. Все находящиеся в машине, включая водителя, погибли. Пока это только версия. Но, зная, как египетские власти расследуют причины автомобильных аварий, происходящих у них практически повсеместно, с большой долей уверенности могу предположить, что и официальное заключение будет точно таким же.

– А представители консульства участвовали в расследовании? – спросил Егоров и тут же пожалел о своем вопросе.

Сотрудники дипмиссии понятия не имеют о прошлой засекреченной деятельности Корчагина. Для них он простой российский турист, погибший в результате несчастного случая. Поэтому вряд ли сотрудники консульского отдела проявили какой-то особый интерес к расследованию обстоятельств гибели семьи академика. Но ни одно уважающее себя государство не должно оставлять без внимания трагическую гибель своих граждан. И если речь идет о секретноносителе первой категории, да еще связанном с разработкой ядерного оружия, то прямая обязанность органов безопасности досконально разобраться в обстоятельствах его смерти.

Егоров поднял на Локтионова прямой взгляд:

– Вы ждете от меня конкретных предложений по расследованию обстоятельств гибели семьи Корчагина?

Генерал Локтионов кивнул:

– Более того. Я хочу, чтобы именно ты занялся этим делом.

Егоров поднялся на ноги и, одернув полы пиджака, четко ответил:

– Есть, товарищ генерал.

* * *

*Директору Службы внешней разведки Российской Федерации
Генерал-полковнику Лемешеву*

Прошу проверить по вашим оперативным каналам, не имели ли места, в последнее время, случаи трагической гибели зарубежных ученых-ядерщиков, а также иные криминальные происшествия с их участием. Данная информация крайне необходима для отработки версии о причастности иностранных спецслужб либо международных террористических организаций к гибели 2 мая в Египте академика Корчагина (разработчика и главного конструктора диверсионного ядерного фугаса) и членов его семьи. Собранные сведения прошу направить в адрес Управления по борьбе с терроризмом.

*Начальник Департамента «Т» ФСБ РФ
Генерал-полковник Началов.*

*Начальнику Управления по борьбе с терроризмом ФСБ РФ
Спецсообщение*

18 марта 2004 года в своем загородном доме, в пригороде Марселя, неизвестными лицами был убит французский ученый Жерар Легран, специалист атомной промышленности. По данным французской криминальной полиции, Жерар Легран стал жертвой разбойного нападения грабителей. Из дома ученого похищены деньги, предметы антиквариата, а также материалы проводимых Леграном исследований и его научная переписка. На теле жертвы остались многочисленные следы истязаний. По версии криминальной полиции, перед убийством грабители пытали ученого, требуя выдать им хранящиеся в доме деньги и ценные вещи. Однако, как установлено резидентурой СВР, расследование дела об убийстве Леграна и ограблении его загородного дома передано из криминальной полиции во французскую службу безопасности. По уточненным данным, Жерар Легран занимался безопасностью ядерных реакторов, и его исследования не носили военного характера.

Ранее, в декабре 2003 года, в США пропали без вести двое сотрудников Лос-Аламосского ядерного центра – доктора Грант и Хоган. Расследование обстоятельств исчезновения ученых и их розыск ведет Федеральное бюро расследований Соединенных Штатов. Подключена также агентура ЦРУ в странах третьего мира.

*Начальник управления «С» Службы внешней разведки Российской Федерации
Генерал-майор Изварин.*

3. Конспиративная база «Аль-Кайды» – усадьба шейха Абу Умара, северный Пакистан

4 мая – понедельник 17.30

Открытый американский «рэнглер» спустился по узкой горной дороге к напоминающему крепостной форт приземистому одноэтажному строению, окруженному сложенным из гранитных валунов трехметровым забором, и остановился перед массивными железными воротами. Водитель джипа и единственный пассажир, одетые в типичную для населяющих северные провинции Пакистана пуштунов одежду – чалмы, холщовые куртки и свободные шаровары – сноровисто выбрались из машины. Подъехавший джип принадлежал Абу Умару. Управлял машиной его шофер. А привез он по вызову шейха его ближайшего помощника, которого часовые знали как Шаха. Тем не менее, автоматчик подошел к джипу, внимательно осмотрел салон и, лишь убедившись, что машина пуста, дал команду находящимся во дворе охранникам открыть ворота.

Тяжелые створки распахнулись. И вернувшиеся к машине Шах и водитель джипа были пропущены на территорию усадьбы духовного лидера «Аль-Кайды». Водитель подъехал к дому, где прибывшего гостя уже ждали двое других охранников из числа двенадцати личных телохранителей шейха. Большинство из них были неграмотны. Другие с трудом могли разобрать выведенные арабской вязью суры Корана и написать собственное имя. Но все без исключения могли сбить из автомата летящую в небе птицу. А этот навык, вкупе с готовностью отдать за него жизнь, значили для Абу Умара куда больше, чем образованность. Правда, эти ребята не смогли бы достать ядерное оружие. Но для столь сложных операций в подчинении Абу Умара имелись другие люди.

Шах послушно вынул из скрытой складками одежды поясной кобуры австрийский «глок» и вложил его в протянутую руку охранника.

Спрятав пистолет в широкий карман своих шароваров, охранник указал Шаху на входные двери. За дверью, в просторном холле с низким потолком, его уже ждал Хамад, двадцатипятилетний секретарь Абу Умара. Круглый сирота Хамад попал к шейху еще ребенком и почитал его, как родного отца. Тем не менее Шах не сомневался, что когда Абу Умар сочтет, что его секретарь узнал слишком много, то без колебаний избавится от него. В Пакистане и соседнем с ним Афганистане полно бедных сирот, которые с огромной радостью примут покровительство Абу Умара и сочтут за невиданную честь переселиться в его дом.

– Хозяин просил, как только вы придете, сразу проводить вас к нему, – склонившись в почтительном поклоне, Хамад вытянул руку в сторону ведущего вглубь дома длинного коридора.

То, что мальчишка робеет перед ним, Шах посчитал хорошим знаком. Несмотря на свой юный возраст, Хамад очень тонко чувствовал настроение своего хозяина и, если бы Абу Умар был недоволен своим главным диверсантом, то и его секретарь держался бы с ним иначе. Шах удовлетворенно кивнул:

– Веди.

Хамад резво засеменил по коридору. Шах двинулся за ним. Насколько он помнил, коридор заканчивался лестницей, ведущей в вырубленный в скале подземный бункер, служащий Абу Умару одновременно бомбоубежищем и местом проведения тайных встреч. Полная звукоизоляция и экранирование бункера исключали всякую возможность прослушивания ведущихся в нем переговоров. Именно туда и свернул Хамад. Спустившись вслед за ним по двум лестничным маршам, Шах оказался перед бронированной дверью, снабженной кодо-

вым замком с переговорным устройством и глазком видеокамеры. Остановившись в двух шагах от двери, Шах подождал, когда Хамад нажмет кнопку переговорного устройства.

– Шах прибыл, хозяин, – доложил он.

– Пусть заходит, – раздался в ответ из динамика нетерпеливый голос Абу Умара, и бронированная дверь сейчас же отъехала в сторону.

Шах оказался в железобетонном бункере, размером три на три метра, освещаемом лампами дневного света. Вдоль одной из стен располагался отделанный пластиком металлический стеллаж. На нем слабо мерцали экраны и перемигивались сигнальными лампочками системные блоки трех персональных компьютеров и терминал станции спутниковой связи. В самом центре стоял широкий письменный стол на массивных металлических ножках. За столом, в своем резном деревянном кресле с высокой спинкой, восседал сам могущественный шейх Абу Умар. Грозный повелитель встретил своего главного диверсанта мрачным взглядом и кивком головы велел ему приблизиться.

– Что тебе удалось узнать от русского?

Вместо ответа диверсант вынул из кармана миниатюрный диктофон и, включив его, поставил на стол, перед шейхом. Спустя несколько секунд подземный бункер наполнил голос российского академика Корчагина.

– ...Чертежи изделия на сборочном предприятии в Сарове, в КБ моего ученика Коли Лобанова... а технология производства в Минатоме... еще записи в моем личном архиве...

Запись русского ученого сохранила не только его слова, но и интонацию голоса и даже его предсмертный хрип. Правда, застывший в массивном деревянном кресле Абу Умар не понимал ни одного слова по-русски. Шах переводил звучащую из диктофона русскую речь на арабский язык.

– ...Коля Лобанов... Мы с ним вместе... получили Госпремию за изделие...

Переведа последние слова Корчагина, Шах нагнулся к столу и остановил запись.

– Больше русский ничего не успел сообщить.

Не вставая со своего резного трона, Абу Умар хмуро взглянул на него из-под сведенных к переносице густых бровей и спросил:

– Как ты собираешься использовать эту информацию?

– Прежде всего, необходимо решить, как заполучить технологию и специалиста. Полагаю, что с технологией Лобанов сумеет сконструировать ядерный фугас. Не зря же русский академик назвал его своим учеником. – Впервые за время разговора с Абу Умаром Шах позволил себе улыбнуться. – К тому же, ученик должен быть моложе своего учителя, и сердце у него, наверняка, здоровее.

Но Абу Умар не поддержал его ироничного тона. Черные, как отверстия пистолетных стволов, глаза полыхнули огнем недовольства.

– Мы уже вложили более миллиарда долларов в этот проект. Создали лаборатории, выстроили целый подземный сборочный цех, собрали там лучших специалистов. Наконец наладили канал поставки обогащенного урана. Ты сам знаешь, какого труда нам это стоило.

Шах утвердительно кивнул.

– Ассандр со своими людьми четыре года бьется над созданием бомбы. А результата нет. Потому что ты, – морщинистый палец Абу Умара вытянулся в сторону стоящего перед ним диверсанта. – Не можешь обеспечить его необходимой информацией!

– Это не так, хозяин! – с обидой в голосе воскликнул Шах. – Сейчас мы как никогда близки к нашей цели! Я выяснил, где хранится технология создания ядерного оружия русских, и установил имя конструктора их ранцевой бомбы!

Абу Умар криво усмехнулся:

– Знать о чем-то и владеть этим – не одно и то же.

– Я добуду их для нас! – с горячей убежденностью воскликнул главарь диверсантов.

Неподвижная до этого голова Абу Умара качнулась из стороны в сторону.

– Не подведи меня, Шах. Ты знаешь, что кроме тебя я никому не могу доверить выполнение столь важной и ответственной миссии.

– Я помню об этом, хозяин.

Демонстрируемые им покорность и решительность все-таки достигли цели. Мрачное лицо Абу Умара наконец разгладилось. Он одобрительно шевельнул бровями и даже снизошел до совета своему вассалу.

– Задействуй все свои контакты. Свяжись с нашими кавказскими братьями. Подключи к делу своего человека в Москве.

На лице Шаха блеснула ослепительная улыбка.

– Я именно так и собирался поступить, хозяин.

В ответ грозный шейх Абу Умар величественно поднял руку:

– Действуй. Да поможет тебе Аллах!

– Разрешите, хозяин? – Шах взглядом указал на спутниковый терминал, демонстрируя свою готовность незамедлительно выполнить полученный приказ, что всегда высоко ценилось Абу Умаром.

Получив его одобрительный кивок, он подошел к спутниковому телефону и быстро набрал московский номер.

– Да? Алло? – раздалось в трубке спустя примерно полминуты.

Звонок шел на мобильный телефон. Слышимость была плохая. Тем не менее, Шах узнал голос своего агента.

– Здравствуй, дорогой. Алик беспокоит, – сказал он по-русски и, не услышав ответа своего собеседника, поинтересовался. – Что молчишь?

– Слушаю, – без особой радости в голосе отозвался тот.

Шах, напротив, воодушевленно воскликнул:

– Правильно, дорогой! Друзей всегда надо слушать! Кто еще сможет помочь в трудную минуту, как не настоящий друг!

– Что еще вам от меня нужно? – перебил Шаха его московский собеседник.

– Мне нужно?! – с мастерски изображенным изумлением переспросил Шах. – Ничего не нужно. Просто хочу тебя с одним замечательным человеком познакомить. Его зовут Николай Лобанов. Для близких друзей просто Коля. Наш общий знакомый именно так его называл. Они в прошлом работали вместе. И даже вместе получили большую премию за свою работу. Тебе *обязательно* нужно познакомиться с этим Николаем.

– Я все понял, – после секундной паузы ответил московский собеседник. – Постараюсь.

– Постарайся, дорогой. *Не пожалеешь*, – закончил Шах.

– И что теперь? – спросил у него Абу Умар, когда Шах положил на аппарат телефонную трубку.

– Теперь надо подождать ответа моего московского друга, – блеснув своими белыми зубами, ответил главарь диверсантов.

4. Аэропорт Шереметьево-1, Москва

5 мая – вторник 14.40

После холодного, ветреного апреля в Москве наконец установилась по-настоящему теплая погода. Уже к полудню столбик термометра поднялся до двадцатиградусной отметки. И, глядя на молодую женщину и ее спутника, напряженно застывших у барьера ограждения летного поля, Егоров невольно подумал, как им приходится жарко в их наглухо застегнутых темных костюмах. Впрочем, они сами вряд ли обращали внимание на жару. Женщина – Ирина Константиновна Корчагина, младшая дочь академика Корчагина, потерявшая три дня назад в Египте всех своих родных. Егоров узнал ее сразу. Причем не столько по описанию и имеющейся у него копии фотографии, а по исходящей от нее волне безутешной боли. Приехавшего вместе с ней молодого человека Егоров не знал. Он, определенно, не был родственником Корчагиных, так как после гибели родителей, сестры и племянника у Ирины больше не осталось родных.

Нужно было подойти и представиться. Но Егоров упорно откладывал этот момент, не желая мучить девушку, потерявшую всех самых близких ей людей. Узнав накануне номер рейса, Егоров позвонил начальнику шереметьевского пограничного поста, с которым ранее несколько раз сталкивался по службе, и попросил его по возможности ускорить процедуру выдачи тел. И вчера по телефону, и сегодня при личной встрече начальник погранпоста обещал свою помощь. Однако с момента посадки прошло уже два часа, а Ирина Корчагина, приехавшая в аэропорт за час до прибытия самолета из Египта, все никак не могла получить гробы с телами своих родных. Егоров уже собирался снова отправиться к начальнику погранпоста, когда к девушке подошел кто-то из сотрудников аэропорта. Ирина торопливо просмотрела предложенные ей бумаги, что-то ответила. Сотрудник аэропорта тут же отошел от нее. И через минуту из ворот грузового терминала на летное поле выехал микроавтобус «Газель» и покатил к самолету.

Егоров решил, что Ирина сейчас последует за машиной. Дольше откладывать момент знакомства было нельзя, и он решительно направился к девушке. Но, вопреки его предположению, Корчагину и ее спутника на летное поле не пустили. Они так и остались у барьера. Егоров встал рядом и вежливо поздоровался:

– Здравствуйте. Меня зовут Андрей Геннадьевич. Я сочувствую вашему горю, Ирина Константиновна, и выражаю свое глубокое соболезнование.

Если бы это было возможно, Егоров взял бы на себя хоть часть свалившегося на девушку горя. Он очень хотел говорить с Ириной так, чтобы она это поняла. Но от волнения получались какие-то избитые фразы, и Егоров мысленно ругал себя.

Ирина недоуменно повернулась к нему. Егоров еще раньше отметил ее статную фигуру, величавую осанку, правильный разворот плеч. Обрушившееся горе не сломало и не раздавило ее. Но только сейчас, взглянув в бледное как мел лицо Ирины и заметив ее неумолимо дрожащие губы, Егоров понял, каких усилий ей стоит держаться.

– Кто вы? – с трудом разжав губы, произнесла она.

– Полковник Егоров, старший оперуполномоченный Федеральной службы безопасности, – Андрей раскрыл перед Ириной свое служебное удостоверение. Но она в него даже не взглянула, продолжая молча разглядывать Егорова.

– Я выясняю обстоятельства гибели вашей семьи, – продолжал он.

Ее спутник тут же вмешался в разговор:

– А разве нужно что-то выяснять?

Егоров перевел взгляд на молодого человека. Он, безусловно, должен был нравиться женщинам. Блондин с голубыми глазами. Высокий, атлетически сложенный мужчина лет

тридцати. Правда, внимательнее взглянув в лицо молодого человека, Егоров понял, что он уже разменял четвертый десяток. В глазах мужчины читался немалый жизненный опыт. Егоров мысленно отметил, что двадцатичетырехлетняя красавица Ирина и этот молодой атлет с умными, много повидавшими глазами, как нельзя лучше подходят друг другу.

– Простите, я не представился, – произнес молодой человек, пока Егоров разглядывал его. – Алексей.

Они пожали друг другу руки.

– Так вы считаете, что в обстоятельствах гибели Константина Александровича и его близких не все однозначно?

– Пока этого я сказать не могу. Но Константин Александрович Корчагин был выдающимся ученым, и я считаю, что государство обязано разобраться в причинах его смерти, – с искренней убежденностью ответил ему Егоров и, повернувшись к Ирине, добавил: – К сожалению, мы не могли провести необходимое расследование на месте аварии. Но мы в состоянии провести патологоанатомическую экспертизу тел ваших родных.

– Патологоанатомическую экспертизу? – медленно повторила за Егоровым Ирина.

– Да, Ирина Константиновна. И я прошу вашего согласия на ее проведение.

– Я должна что-то подписать? – глядя как будто сквозь него, спросила Ирина.

– Да.

Егоров вынул из папки, которую держал в руках, бланк и вместе с авторучкой протянул его дочери Корчагина. Ирина, не глядя, подписала:

– А как долго это займет?

Егоров заметил, что ее губы начинают дрожать все сильнее, и поспешил ответить:

– Максимум два-три дня. Я позвоню вам и сообщу, когда вы сможете забрать тела ваших родных. Или, чтобы не затруднять вас, мы можем сами доставить тела на панихиду. Вы только скажите, куда.

Слова Егорова оборвали в душе девушки какую-то струну. Она больше не могла сдерживать рыдания. Из-под ее очков показались слезы.

– Я... я не знаю.

– Мы обсудим это дома, – быстро ответил Алексей и обнял рыдающую девушку.

– Простите, Ирина Константиновна, что своей беседой причинил вам боль, – виновато произнес Егоров. Достав из кармашка папки свою визитную карточку, он протянул ее рыдающей девушке. – Здесь все мои телефоны. Если вам что-то понадобится, звоните в любое время. А я, как и обещал, позвоню вам, как только будет закончена экспертиза.

Девушка продолжала безутешно рыдать. Егоров решил, что она даже не слышала его.

– Да-да, конечно, – ответил за Ирину Алексей.

5. Квартира Корчагиных, Ленинский проспект, Москва

5 мая – вторник 17.05

Ирина не помнила, как очутилась дома. Если бы не Алексей, она, наверное, вообще не добралась бы от аэропорта домой. Сидя в старомодном кресле, она обвела взглядом гостиную отцовской квартиры. Теперь она уже никогда не будет чувствовать здесь себя как дома. Здесь они принимали гостей, и здесь же, хотя бы раз в неделю, вся семья собиралась за общим столом. Здесь любил играть Данил, когда вместе с Ольгой приходил к ним в гости. Дальше по коридору располагались спальня родителей, рабочий кабинет отца и сначала общая с сестрой, а когда Ольга стала жить отдельно, то уже только Ирина комната. Ничего этого уже нет! Нет ни родительской спальни, ни отцовского кабинета! Потому что какой-то малограмотный египетский водитель три дня назад оборвал жизни самых родных людей и растоптал ее собственную жизнь! Ирина упала лицом на подлокотник кресла и, больше не пытаясь сдерживать душасщие ее рыдания, горько, по-детски, расплакалась.

– Тише, тише. Успокойся, – прорвались сквозь ее всхлипывания чьи-то слова.

Так в далеком детстве ей говорила мама! Ирина вскинула голову. Но перед ней стояла не мама, а Алексей.

– Выпей, – настоятельно сказал он, протянув рюмку.

– Что это?

– Коньяк, самое действенное успокоительное, – пояснил Алексей и добавил: – Я уже выпил. Тебе тоже надо.

Ирина отвела глаза в сторону и увидела стоящую на столе, возле серванта, распечатанную бутылку армянского коньяка. Эту бутылку подарили отцу его коллеги по институту. То, что Алексей по-хозяйски распоряжается подаренными отцу вещами, покорило Ирину. Тем не менее она взяла протянутую рюмку и залпом опрокинула ее в рот.

– Тебе-то с чего успокаиваться? Ты ведь без ума был влюблен в Ольгу.

Алексей поджал губы.

– Ты кое-чего не знаешь, – произнес он, не глядя на нее. – Вернее, самого главного. Ольга была беременна от меня.

– Беременна? – глаза Ирины округлились.

– Да, уже восемь с половиной недель, – тихо произнес он и вдруг, схватив со стола наполненную рюмку, так же резко, как Ирина опрокинул ее в рот. – Так что в Египте я потерял не только любимую женщину, но и своего ребенка, – закончил он, припечатав пустую рюмку к столу.

Ирина почувствовала, что слезы вот-вот снова хлынут у нее из глаз. Как бы она ни относилась к приятелю сестры, но он тоже заслуживал сочувствия. Она считала, что Алексей переживает лишь из-за того, что не смог стать зятем академика Корчагина, а оказалось, что его собственное горе ничуть не меньше, чем ее. Ирина поднялась с кресла.

– Налей еще.

Он налил обе рюмки до краев, и они молча выпили. Ирина осторожно коснулась пальцами его плеча:

– Прости меня. Я ничего не знала.

Он вздрогнул от ее прикосновения и, запрокинув голову, в отчаянии воскликнул.

– Почему я не поехал вместе с ней?! Почему отпустил ее с нашим ребенком одну?! Все работа, работа. Надо было бросить все к черту! Если бы я только был там вместе с ней! Я бы помог! Я бы вытащил ее из машины! Спас и ее, и ребенка, и всех остальных!

Ирина молчала. Ей самой постоянно приходили в голову те же самые мысли.

– Зная о твоём ко мне отношении, Ольга не хотела говорить о своей беременности. Все ждала подходящего момента. Она и тебя звала с собой в надежде, что эта поездка поможет нашему примирению.

Ирина закусила губу. Сестра действительно как-то обмолвилась в разговоре, что и ей не мешало бы съездить на майские праздники в Египет развеяться. Но нужно было помочь профессору перед предстоящей экзаменационной сессией, и она отказалась. Ольга восприняла ее отказ довольно легко, как вообще легко относилась к жизни. Ирина решила, что своим отказом не особенно огорчила сестру. А оказывается, Ольга так надеялась, что она поедет вместе с семьей. Ужасно, но уже ничего нельзя изменить.

– Я согласился с Ольгой. Надеялся, что за эту поездку ты сможешь лучше узнать меня, и тогда, возможно, твоё мнение обо мне изменится. Но ты отказалась поехать. Потом на меня навалилась работа. В общем, все Ольгины планы нарушились, – Алексей безнадежно махнул рукой. – И теперь совершенно чужие и посторонние люди в пьяных разговорах за бутылкой водки будут трепать Ольгино имя и имя Константина Александровича.

– Что ты такое говоришь?! – с болью в голосе воскликнула Ирина, услышав его последние слова.

– Ну, как же, – обреченно вздохнул Алексей. – Ведь патологоанатомическая экспертиза обнаружит факт Ольгиной беременности. Полковник, который сегодня подходил к нам, доложит об этом в своей конторе. Вот и пойдет гулять по ФСБ сплетня о разгульном поведении дочери академика Корчагина, которая, живя без мужа с одним ребенком, нагуляла от кого-то второго. Заодно и Константина Александровича грязью оболуют.

– Ты... ты... – после слов Алексея Ирину бросило в жар, стало трудно дышать. – Ты уверен, что они так поступят?

– Еще бы, – Алексей горько усмехнулся. – Думаешь, гэбэшники забыли, как Константин Александрович за Сахарова заступался, когда его все КГБ травило? О-о, эти люди ничего не забывают и не упустят случая, чтобы отомстить Константину Александровичу, – закончил он, выразительно покачав головой.

– Я не позволю им измываться над Олей и папой! – давась слезами, выкрикнула она.

– Теперь уже поздно, – тяжело вздохнул Алексей. – Ведь ты сама подписала этому полковнику разрешение на проведение патологоанатомической экспертизы.

– Ничего не поздно! Сама подписала, сама и откажусь! Я сейчас же поеду в ФСБ и разорву это разрешение! – в пылу возмущения Ирина даже топнула ногой. – Где телефон этого полковника?!

Сквозь слезы она плохо видела напечатанный на визитной карточке номер и несколько раз сбивалась, набирая его. Но наконец ей все-таки удалось дозвониться, и спустя несколько протяжных гудков в трубке раздался уверенный мужской голос:

– Слушаю.

– Полковник Егоров?! – требовательно спросила Ирина.

– Да, это я, – после некоторой паузы ответил мужчина. – А вы, очевидно, Ирина Константиновна Корчагина?

– Да! – выпалила в трубку Ирина. – И я хочу вам объявить, что я отказываю вам в праве проведения патологоанатомической экспертизы! Вы слышите: отказываюсь! И то разрешение, которое вы вынудили меня подписать, недействительно!

Она старалась держать себя в руках, но к концу разговора вновь разрыдалась. Хитрый полковник тут же решил воспользоваться ее состоянием.

– Вам сейчас очень тяжело, Ирина Константиновна. Давайте встретимся и обо всем обстоятельно поговорим, – услышала Ирина в трубке его размеренный голос.

– Да! Я сейчас же к вам приеду!

– Хорошо. Я буду ждать вас у перекрестка, возле «Детского мира». Когда вы сможете подъехать? – поинтересовался у нее Егоров, но Ирина уже повесила трубку.

– Тебя подвезти? – предложил свою помощь вышедший в коридор Алексей.

Но Ирина отрицательно мотнула головой:

– Не нужно. На метро быстрее.

Она торопливо сунула ноги в лаковые черные туфли-лодочки, успевшие за день покрыться тонким слоем пыли, и, открыв входную дверь, нетерпеливо обратилась к застывшему в коридоре Алексею:

– Ну что ты встал? Пошли!

– Может быть, все-таки подвезти тебя? – снова поинтересовался он, пока Ирина запирала дверь. – Мне не трудно. Да и разговаривать с полковником нам вдвоем было бы легче.

Его навязчивость стала ее раздражать.

– Я справлюсь сама! – довольно резко ответила Алексею Ирина.

– Как хочешь, я просто хотел помочь, – с едва уловимой обидой в голосе сказал Алексей. – Но обязательно позвони мне, как переговоришь с этим полковником. Я ведь точно так же волнуюсь.

– Позвоню, – на ходу бросила Ирина, сбегая вниз по лестнице. Получилось невежливо. Алексей не заслуживал к себе такого отношения. И, остановившись, она громко крикнула ему снизу вверх: – Обязательно позвоню!

6. Лубянская площадь, Москва

5 мая – вторник 18.10

Запыхавшись от быстрой ходьбы, Ирина выбежала из подземного перехода к «Детскому миру» и, оглянувшись по сторонам, сразу увидела ожидающего ее фээсбэшника. Он стоял на тротуаре, чуть в стороне от столпившихся перед перекрестком людей. Егоров вежливо поздоровался:

– Здравствуйте, Ирина Константиновна.

– Мне нужно подписанное мною разрешение на проведение вашей экспертизы! – с ходу выпалила Ирина. Здороваться с фээсбэшником она не собиралась. – Вы принесли его?!

– Оно у меня в кабинете, – спокойно ответил полковник. – Если потребуете, я его принесу. Но, давайте сначала поговорим. Здесь за углом, – он кивнул в сторону «Детского мира», – есть открытое кафе. Может быть, пройдем туда?

– Никуда я с вами не пойду! – решительно заявила Ирина. – Отдайте мне разрешение, которое вы заставили меня подписать, и оставьте меня и мою семью в покое!

На глазах Ирины вновь выступили слезы. Егоров взял девушку за локоть и, увлекая ее за собой, произнес:

– Вам сейчас очень тяжело. На вас свалилось огромное несчастье. Но его надо пережить. Я вижу: вы сильная девушка, Ирина. Вы ведь позволите мне вас так называть? Не позволяйте обстоятельствам растоптать вас.

Он вынул из кармана носовой платок и почти насильно вложил его в руки своей спутницы. Ирина плохо представляла, что происходит. Она вытирала глаза неизвестно откуда оказавшимся у нее в руках носовым платком и куда-то шла, пока наконец не оказалась за столиком летнего кафе. Напротив нее сидел полковник ФСБ и одобрительно улыбался.

– Ну вот, Ирина, вам уже лучше, – сказал он, когда она отняла платок от глаз. – Далеко не каждый человек способен выдержать такое горе. Но вы справитесь. Я в этом просто уверен.

Подошедшая к их столику официантка протянула меню. Егоров спросил:

– Выпьете что-нибудь: чай, кофе? Или, может быть, бокал вина?

Ирина в ответ отрицательно покачала головой, но полковник сделал вид, что не заметил ее отказа.

– Будьте добры два стакана минеральной воды и сок, – сказал он официантке и снова обратился к Ирине. – Вы какой предпочитаете?

– У нас есть клюквенный морс, очень вкусный, – подала голос официантка.

– Хорошо, пусть будет морс, – согласился полковник, возвратив официантке папку с меню.

Она тут же вернулась с двумя стеклянными стаканами минеральной воды. В стаканах с шипением лопались поднимающиеся со дна пузырьки газа. Пока она пила, официантка поставила на столик высокий стакан с клюквенным морсом. Полковник указал взглядом на стакан и предложил:

– Попробуйте. Интересно: морс, правда, такой вкусный, как нам его расписывали?

Отпив из только что принесенного стакана, Ирина неопределенно пожала плечами. Никакого особенного вкуса она не заметила. Обыкновенный немного кисловатый напиток.

– Вас пугает, что в результате патологоанатомической экспертизы раскроется какая-то тайна, связанная с личной жизнью членов вашей семьи? – вдруг неожиданно спросил полковник.

Ирина закашлялась, поперхнувшись клюквенным морсом, а когда справилась с кашлем, растерянно пробормотала:

– С чего вы взяли?

Сидящий напротив нее полковник едва заметно усмехнулся:

– Я уже почти двадцать лет занимаюсь оперативной работой. И поверьте моему опыту: ваша внезапная вспышка возмущения имеет только одно объяснение. В аэропорту, признать, у меня создалось впечатление, что вы меня даже не слушали. Зато дома, сопоставив известные вам факты, вы испугались и решили отказаться от экспертизы.

Ирина хотела ответить, но полковник опередил ее:

– Уверяю вас: вы ошибаетесь. Личная жизнь ваших близких меня совершенно не интересует. К тому же, сведения, полученные в результате экспертизы, сугубо конфиденциальны. И только вы, Ирина, как ближайшая родственница, вправе решить: предавать их гласности или нет.

Полковник говорил так искренне, что Ирина засомневалась.

– Но для чего тогда вообще понадобилась эта экспертиза?

Полковник на несколько секунд задумался, потом наклонился к ней и, понизив голос, доверительно произнес:

– Полагаю, сейчас об этом уже можно говорить. Да, вы, Ирина, наверняка, и сами в курсе, что ваш отец в прошлом занимался разработкой ядерного оружия.

Ирина быстро кивнула:

– Я и родилась в Арзамасе-16.

Полковник кивнул в ответ:

– Тогда вы должны знать, что в мире есть силы, которые хотели бы использовать знания и опыт вашего отца в собственных алчных целях. А в достижении этих целей они используют любые методы.

Пугающий смысл сказанного полковником постепенно начал доходить до Ирины.

– Вы считаете, что папу могли убить, а вместе с ним и всех остальных?

– Чтобы ответить на этот вопрос, мне и нужен результат патологоанатомической экспертизы, – произнес в ответ полковник.

Ирина несколько раз кивнула.

– Я... все поняла... Конечно... Делайте все, что нужно... Только, пожалуйста, когда это будет известно, сообщите мне результат, – умоляюще произнесла она.

– Обязательно. Я же вам обещал, – ответил полковник и, секунду поколебавшись, накрыл своей сильной ладонью ее лежащие на столе руки.

7. Центральный округ, Москва

5 мая – вторник 19.15

Она позвонила через два часа, когда Бельков уже приехал домой, но сообщила совсем не то, что он ожидал услышать.

– Алексей! Ты представляешь: Егоров считает, что папу, маму, Олю и Данила могли убить, потому что папа конструировал ядерные бомбы! – срывающимся голосом выпалила в трубку Ирина.

– Не может быть, – опешил он. В горле запершило, и даже держащая трубку рука стала мелко дрожать. – Кто? Зачем?

– Я сама ничего не понимаю, – призналась Ирина. – Но Егоров обещал мне все объяснить, когда это выяснится. – Ты должен меня понять: после этого я уже не могла настаивать на отмене экспертизы.

– Да этот Егоров просто использовал тебя! – сорвался он. – Воспользовался твоей доверчивостью и запугал, чтобы не давать делу задний ход!

– Нет, – убежденно возразила Ирина. – Он говорил правду. Он действительно хочет разобраться, почему погибли мои родители и Оля с Данилом. И, – она помолчала, – я тоже этого хочу. Поэтому я не буду забирать разрешение на экспертизу. Я должна знать правду.

Бельков заскрежетал зубами. Ловко же ее обработал этот полковник.

– Ты слушаешь меня, Алексей? – напомнила о себе Ирина.

– Слушаю, – он постарался придать голосу необходимое сочувствие. Ко всем неприятностям, не хватало только рассориться с этой взбалмошной девчонкой. – Конечно, знать правду необходимо. Я только хочу тебя предупредить, чтобы ты так безоглядно не доверялась фээсбэшникам. Эти люди никогда не бывают полностью откровенны. Что ты знаешь об этом полковнике? В сущности ничего. Поэтому будь осторожна в разговорах с ним. Взвешивай каждое слово, чтобы ненароком не навредить себе и не запятнать память отца и Ольги.

– Хорошо, я буду осторожна, – ответила Ирина. – Пока.

Бельков в отчаянии заметался по шикарно обставленной квартире, которую он снимал за восемьсот долларов в месяц, и которая вместо ощущения комфорта и уюта вызывала у него одну неумную зависть, потому что была чужой. Остановившись перед зеркальной «стенкой» в гостиной, он вынул из бара бутылку шотландского виски, наполнил массивный стеклянный стакан и в несколько глотков осушил его. Так, прежде всего надо успокоиться. После разговора в квартире Корчагиных, когда он так удачно ввернул о беременности Ольги, отношение Ирины к нему явно изменилось в лучшую сторону. Если бы не этот фээсбэшник, он мог стать для нее самым близким человеком. И ведь такой момент! Девчонка осталась круглой сиротой. Тут бы и появиться сильному мужчине, который утешит, приласкает и подскажет, что и как нужно делать... Бельков хотел снова наполнить стакан виски, но в последний момент передумал. Фээсбэшник мешает не только ему, но и заказчику. Значит, фээсбэшник – это уже не только его проблема.

Бельков схватил с трюмо в прихожей ключи от машины и бегом спустился к своему спортивному «Опелю». Два года назад, когда он выбирал машину в автосалоне, она казалась ему верхом совершенства. Мощный шестицилиндровый мотор, обеспечивающий автомобилю отменную динамику, удобные эргономические кресла двухместного спортивного купе, натуральная кожа, хромированные детали отделки салона – все дорого и красиво. Но прошло всего два года, и на улицы Москвы вынырнули новенькие и еще более стремительные и роскошные спортивные «мерседесы», «ауди», «БМВ» и «ягуары», рядом с которыми его «Опель» смотрелся не более чем подержанной дешевкой. В этих машинах проносились мимо уверенные мужчины и шикарные женщины, настоящие хозяева жизни. И, глядя вслед

рассекающему поток машин очередному родстеру знаменитой автомобильной фирмы, Бельков часто думал, что и его собственная жизнь вот также пронесется мимо.

Двигатель «Опеля» завелся с полоборота. Пока машина исправно служила своему хозяину. Пока! Он бы давно поменял и машину, и квартиру, и страну, если бы не масса цепляющих друг за друга проблем. Вернее, если бы не одна-единственная проблема – нехватка денег. Как же он был наивен десять лет назад, когда считал, что занятие журналистикой – скандальные расследования и не менее скандальные разоблачения – принесет ему достаточный капитал, позволяющий с комфортом устроиться в этом выжившем из ума сумасшедшем мире.

Вырулив со двора, Бельков по переулкам выехал на Садовое кольцо и через двадцать минут был возле Курского вокзала. Привокзальная площадь оказалась сплошь забита машинами, но Бельков посчитал, что для него это даже хорошо. Отыскав наконец свободное место, он втиснул машину между еще более древней «Ауди» и новенькой «Хенде-гетц», сунул в лапу тут же оказавшемуся рядом контролеру полтинник и быстро прошел на вокзал. Там, в зале ожидания, пробившись сквозь людскую толчею, Бельков вышел к ряду телефонов-автоматов и, вставив в аппарат имеющуюся у него телефонную карту, набрал известный ему номер. Заказчик ответил мгновенно. Алексея всегда удивляло, как он успевает столь молниеносно схватывать трубку.

– Алик, у меня проблемы. Серьезные проблемы, – после приветствия, понизив голос, сообщил Бельков. – Этим делом заинтересовался человек из конкурирующей организации.

– Откуда?

Бельков разозлился. Прежде заказчик схватывал его мысль буквально на лету.

– Из Конторы! Вы что, не понимаете?

– Успокойся, дорогой. Я все понимаю. Что за человек? Чем интересуется?

– Его фамилия Егоров, зовут Андрей Геннадьевич. Он полковник, действующий. Приезжал в аэропорт, когда я с младшей дочерью встречал прибывших из-за границы родственников, и забрал весь груз на экспертизу. А нам заявил, что его контора тщательно во всем разберется. Да еще дал понять, что считает случившееся не случайной аварией, а...

– Я понял тебя, дорогой, – оборвал Белькова его собеседник. – Но твое беспокойство напрасно. Организации, где работает твой новый знакомый, положено проверять чужую работу. Но мы все сделали качественно, поэтому к тебе не может быть никаких претензий. Тем не менее, спасибо за звонок. Я обязательно учту твою заботу о качестве выполняемых работ при расчете. Пользуясь случаем, хочу спросить: ты не забыл о моей последней просьбе?

– Не забыл, – помрачнев, ответил Бельков. – Но так быстро это не делается.

– Конечно! Я все понимаю! – жизнерадостно воскликнул собеседник. – Но ты, тем не менее, не тяни.

– Я пытаюсь, – через силу выдавил из себя Алексей.

– Вот и отлично! А на счет Егорова не волнуйся. И общения с ним не избегай. Это может оказаться полезным. Удачи, дорогой. Будут новости, звони.

В телефонной трубке раздались короткие гудки. Алексей быстро вернулся к машине. «Не волнуйся! Легко говорить «не волнуйся», сидя за границей. Интересно, как бы он заговорил, окажись здесь, в Москве. Где «общение» с Егоровым может закончиться допросом в его Конторе», – мрачно думал Бельков, выезжая со стоянки перед Курским вокзалом.

8. Усадьба шейха Абу Умара, северный Пакистан

5 мая – вторник 21.50

Едва Шах нажал клавишу разъединения на своем мобильном телефоне, как его губы плотно сжались и вытянулись в тонкую линию, мгновенно стерев с лица жизнерадостную беззаботную улыбку, с которой он разговаривал со своим московским агентом. Можно обмануть пронырливого журналиста. Даже не в меру подозрительного Абу Умара можно ввести в заблуждение. Но нельзя обмануть самого себя. Следует признать, что акцию в России придется проводить в условиях противодействия российской контрразведки. Значит, операцию нужно максимально форсировать, пока контрразведчики не вышли на ключевые фигуры всей комбинации...

Хозяина усадьбы он нашел в его верхнем кабинете. Расположившись в таком же, как в подземном бункере, резном деревянном кресле перед экраном огромного плазменного телевизора, Абу Умар внимательно следил за выступлением экономического обозревателя с арабского телеканала. Тот рассказывал об изменении котировок акций мировых нефтедобывающих компаний после вчерашнего взрыва на иракских нефтепромыслах, осуществленного боевиками «Аль-Кайды». При появлении своего помощника Абу Умар предостерегающе поднял руку и, лишь дослушав комментарии обозревателя до конца, выключил телевизор и повернулся к вошедшему. Взгляд глубоко посаженных глаз уперся Шаху в переносицу.

– Что привело тебя ко мне?

– Мой человек в Москве только что сообщил, что российская контрразведка приступила к расследованию гибели русского ученого и членов его семьи.

Глаза Абу Умара гневно блеснули:

– Я говорил тебе, что их смерть ни у кого не должна вызвать подозрений! А ты вновь ошибся!

– Нет, хозяин! В Египте я и мои люди сработали чисто. Но этот академик был важной фигурой у русских, поэтому их контрразведчики и проводят проверку.

– Что они могут узнать?

– То же, что и египетские власти: смерть в результате автомобильной аварии, – уверенно заявил Шах, хотя сам вовсе не был уверен в своем ответе.

– Значит, ты полагаешь, что для операции, которую мы начали сейчас в России, опасности нет?

– Опасность есть всегда, даже когда кажется, что все идет безупречно, – твердо ответил Шах. – Поэтому нужно постоянно быть готовым к возможным контрмерам со стороны противника, в данном случае, эф эс бэ, – по буквам произнес он, – службы безопасности русских.

Шейх одобрительно кивнул, из чего Шах сделал вывод, что его ответ понравился Абу Умару.

– И в чем, по-твоему, должна заключаться эта готовность?

Именно такого вопроса Шах и добивался.

– Сначала нужно изучить врага, чтобы предвосхитить его возможные действия.

Абу Умар ухмыльнулся:

– Четыре года в Москве ты только тем и занимался, что изучал службу безопасности русских.

– Я говорю о конкретном противнике, – парировал его выпад Шах. – Мой человек назвал мне фамилию русского полковника, который непосредственно работает по делу. И я прошу вашего разрешения, хозяин, проверить его по всей базе данных нашей организации.

Абу Умар молча снял с подлокотника своего кресла ониксовые четки и несколько раз щелкнул нанизанными на нитку камушками, лишь после этого поднял взгляд на застывшего перед ним в ожидании Шаха и произнес:

– Хорошо. Хамад тебя проводит. Пароль доступа ты знаешь.

Спустившись в подземный бункер, где накануне проходила его встреча с хозяином усадьбы, Шах отпустил секретаря Абу Умара и уселся за компьютер, связанный с сервером главной компьютерной базы данных «Аль-Кайды». Введя персональный пароль и дав возможность подключенной к компьютеру видеокамере просканировать радужную оболочку своего глаза, он получил доступ к святой святых организации, которым обладали лишь несколько высших руководителей «Аль-Кайды». База данных содержала сведения обо всей разветвленной сети «Аль-Кайды» и других связанных с нею радикальных исламских организаций, а также о спецслужбах ведущих мировых держав. Шах вошел в раздел «Спецслужбы Российской Федерации» и, запустив программу контекстного поиска, ввел фамилию Егоров. Несколько минут ничего не происходило, лишь на системном блоке интенсивно пульсировал световой индикатор обращения к жесткому диску. Но затем на мониторе высветилось диалоговое окно, и Шах жадно впился глазами в выведенный на экран текст.

«Егоров Андрей Геннадьевич, предположительно, 1962 года рождения. В 1985 году лейтенантом в составе отряда особого назначения КГБ СССР прибыл в Афганистан. Назначен на должность командира разведзвезда. Принимал участие в боевых операциях советских оккупационных сил в окрестностях Кандагара, Газни и Урузгана. Участник штурма укрепленного района Тора-Бора. В период с 1985 по 1989 год подразделение Егорова совершило более десятка диверсионно-разведывательных рейдов в районы сосредоточения отрядов моджахедов. При этом спецназовцами КГБ было уничтожено несколько десятков моджахедов, включая трех полевых командиров, взорваны шесть замаскированных складов с оружием, полностью уничтожены два высокогорных лагеря подготовки бойцов-моджахедов. В 1986 году Егорову досрочно присвоено звание старшего лейтенанта. В 1987 г. он назначен на должность заместителя командира разведроты. В 1988 переведен в оперативный отдел отряда особого назначения КГБ СССР. Награжден двумя орденами Красной звезды, а также орденом прокремлевского правительства ДРА.

В 1988 г. военным меджлисом моджахедов старший лейтенант КГБ Егоров объявлен врагом воинов Аллаха и всех правоверных мусульман и приговорен к смерти. В результате тщательно спланированной операции, внедренному в Царандой тайному агенту, осуществляющему связь с командованием отряда особого назначения КГБ СССР, удалось в марте 1989 года направить разведгруппу Егорова в заранее подготовленную засаду. Однако подразделение Егорова вырвалось из засады с минимальными потерями. Организовав круговую оборону, Егоров под перекрестным огнем эвакуировал всех своих людей, включая убитых и раненых, на вызванном им по радиации десантно-штурмовом вертолете».

Дочитав последний абзац до конца, Шах вздрогнул всем телом. Перед глазами, как кадры старой кинохроники, проносились картинки из его прошлой жизни. Той жизни, где он еще не был Шахом, а носил имя Салаутдин Агджа и служил офицером в службе безопасности Демократической Республики Афганистан, отвечающим за координацию действий Царанды с отрядом особого назначения КГБ СССР. Во время четырехлетнего обучения в Высшей школе КГБ в самой Москве Агджа, помимо освоенного им русского языка, получил перво-

классную оперативную и боевую подготовку. Командование размещенных в Афганистане советских войск и подразделений госбезопасности полностью доверяло ему. Никто из русских, направивших его на учебу в Советский Союз, даже не задумался, что молодой, смысленный сотрудник Царандоя в действительности – афганский моджахед. Благодаря его тайной деятельности планы множества операций советских войск стали известны моджахедам, а сотни, если не тысячи, презренных гяуров нашли в Афганистане свою смерть. Он не вспоминал имен тех русских, которые угодили в организованные по его наводке засады и остались лежать холодными трупами на горных тропах и перевалах или оказались пленниками моджахедов, чтобы затем превратиться в такие же освежеванные или обезглавленные трупы. Но одно имя он все-таки запомнил – Андрей Егоров. Русский старлей прилетел на вертушке на базу с перебинтованной головой и двумя трупами своих людей. Не дожидаясь, когда его бойцы, среди которых, кстати, не было ни одного, кто бы не получил ранения, выгрузятся из вертолета, Егоров спрыгнул на бетонку и бросился разыскивать его. И нашел. Но на его счастье и к несчастью старлея, кроме самого Агджи, в штабной комнате находились еще несколько человек. Они и повисли на руках Егорова, когда он вытащил пистолет, собираясь его пристрелить. Тогда русский старлей стал орать, что Агджа предатель. Он еще упомянул имя своего погибшего друга – Павла Кислякова! Да, точно. Но в тот момент ему никто не поверил. Все сочли, что после ранения в голову и контузии старлей повредился рассудком. Зато, когда на следующий день Егоров все-таки доказал свою правоту, штабным офицерам оставалось только кусать себе локти, потому что Агджа еще ночью покинул расположение советской военной базы, перебравшись в один из отрядов Абу Умара. В том же году русские убрались из Афганистана. Вместе со всеми вернулся в Союз и Егоров. Превратившийся в Шаха Салаутдин Агджа постепенно забыл о русском офицере, едва не пристрелившем его на советской военной базе под Кандагаром в далеком 89-м году. Когда позвонивший из Москвы журналист назвал Шаху фамилию Егорова, его память осталась глуха. Но, прочитав с экрана компьютера информационную справку о российском офицере, он вспомнил и его горящие ненавистью глаза, и ствол направленного в лицо пистолета в его руке. Как же он жалел в тот момент, что угодивший в голову Егорова осколок гранаты не вышиб ему мозги. Скрывшись с военной базы русских, он решил, что их схватка закончилась. И, как оказалось, ошибся. Она лишь отложила на пятнадцать лет.

Шах вновь обернулся к экрану компьютера: «Что ж, полковник Егоров. Тебе надо было стрелять тогда, в 89-м, когда у тебя была эта возможность. А теперь моя очередь».

9. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва

7 мая – четверг 18.30

Надев очки, начальник управления по борьбе с терроризмом, генерал Локтионов внимательно читал полученный от Егорова лист с заключением патологоанатомической экспертизы.

*Управление по борьбе с терроризмом ФСБ РФ
Полковнику Егорову*

Патологоанатомическая экспертиза тел академика Корчагина и членов его семьи завершена сегодня 7 мая 2004 года в 14.00. По интересующим вас вопросам установлено следующее:

1) Полученные академиком Корчагиным травмы: переломы двух ребер грудной клетки, правой ключицы и правой берцовой кости, вероятнее всего, произошли в результате автомобильной аварии. На теле имеются и другие следы, характерные для автокатастрофы: мелкие порезы и микроскопические осколки стекла, застрявшие в мягких тканях, подтверждающие данный вывод. Однако все вышеперечисленные травмы не могли вызвать летального исхода.

2) Смерть академика Корчагина наступила в результате остановки сердца, возникшей вследствие стремительно развившегося у него инфаркта миокарда.

3) На внутреннем локтевом сгибе левой руки Корчагина имеется отчетливая гематома, возникшая в результате сделанной ему незадолго до смерти внутривенной инъекции. Судя по наличию гематомы, инъекция сделана лицом, не имеющим достаточного опыта внутривенных уколов.

4) Некоторые косвенные признаки: расширенные зрачки и лопнувшие кровеносные сосуды из числа глазных капилляров указывают, что перед смертью академик Корчагин находился под действием фармакологического препарата, резко повысившего у него артериальное давление, что в сочетании с жарой могло вызвать у него инфаркт и привести к последующей остановке сердца.

5) Дочь Корчагина погибла в результате крученого разрыва шейных позвонков. Характер данной травмы не соответствует автомобильной аварии. Других повреждений, способных вызвать летальный исход на теле нет.

6) Смерть жены Корчагина и его десятилетнего внука наступила в результате однотипных переломов основания черепа, полученных при ударе тупым тяжелым предметом либо о данный предмет.

*Старший эксперт-патологоанатом Вострецов Е.Г.
Эксперт-патологоанатом Садовников Н.И.*

Дочитав документ до конца, Локтионов положил его на стол и поверх очков вопросительно взглянул на Егорова:

– Значит, автомобильная авария – инсценировка?

– Вне всякого сомнения, – твердо заявил генералу Егоров. – К тому же, я поинтересовался у экспертов: повышение артериального давления, как раз вызывают препараты, подавляющие волю, те самые «сыворотки правды»! Какая-то исламская разведка пыталась

«выпотрошить» Корчагина, а когда он умер, не выдержав применения наркотика, похитители убили всю его семью и инсценировали автомобильную аварию, чтобы скрыть следы!

– Полагаешь, действовала спецслужба? – скептически спросил Локтионов.

– А кто?! – в запале воскликнул Егоров. – Во всех действиях похитителей ощущается профессиональный опыт! И вообще, организовать похищение семьи из четырех человек, а затем инсценировать автомобильную аварию под силу только государственной спецслужбе!

– Гм, – генерал Локтионов тяжело вздохнул, затем вынул из лежащей у него на столе папки бумажный лист с косой красной полосой и протянул его через стол Егорову. – Тогда прочитай вот это.

– Что это? – поинтересовался Егоров, забирая из рук начальника протянутую бумагу.

– Спецсообщение из СВР. Директор, как только получил, сразу переправил его нам.

Увидев наложенную на полях документа резолюцию Директора ФСБ, Егоров подобрался и начал сосредоточенно читать.

*Директору Федеральной службы безопасности Российской Федерации
Спецсообщение*

По полученным Службой внешней разведки оперативным данным, в международной исламской террористической организации «Аль-Кайда» с 2001 года существует и активно действует по всему миру диверсионно-разведывательное подразделение, имеющее своей целью получение образцов ядерного оружия и технологии его производства. Финансирование осуществляется за счет торговли наркотиками, оружием и поддержки «Аль-Кайды» рядом исламских общественно-политических организаций и пожертвований частных лиц. Деятельность спецподразделения координирует один из лидеров «Аль-Кайды» шейх Абу Умар, а непосредственно командует и руководит диверсантами некто по кличке «Шах». По добытой оперативной информации, «Шах» – профессиональный разведчик-диверсант, бывший сотрудник спецслужбы одной из мусульманских стран, в совершенстве владеющий несколькими иностранными языками, а также приемами защиты и нападения. Подлинное имя, возраст, национальность и внешность «Шаха» СВР, а также спецслужбам стран, сотрудничающим с Россией по линии борьбы с международным терроризмом, неизвестны.

*Директор Службы внешней разведки Российской Федерации
Генерал-полковник Лемешев.*

– Что скажешь? – спросил Локтионов, заметив, что Егоров дочитал документ до конца.

– Бред какой-то, – Егоров раскрытой ладонью провел по лицу, словно пытаясь снять наваждение. – В «Аль-Кайде» уже четыре года действует целый диверсионно-разведывательный отряд, а мы узнаем об этом только сейчас!

Начальник управления недовольно поморщился и, подавшись к столу, раздраженно произнес:

– Что ты рассуждаешь, как баба? Ты же профессионал и сам прекрасно понимаешь, что любая информация о самом факте существования такого подразделения тщательно скрывается. Как правило, о действиях диверсантов-профессионалов приходится судить лишь по оставленным ими трупам. Да и то, если удастся связать эти трупы между собой. Я вообще считаю большой удачей, что мы узнали о существовании диверсионно-разведывательного отряда «Аль-Кайды» сейчас, а не после взрыва ядерной бомбы.

– Полагаете, такое возможно? – за свою службу в органах безопасности Егоров повидал всякого и считал себя готовым ко всему. Но то, что он сейчас услышал, не укладывалось в голове.

Вместо ответа Локтионов снова раскрыл папку для документов и, вынув оттуда следующий лист, положил его перед Егоровым.

– Читай!

Начальнику Управления по борьбе с терроризмом ФСБ РФ

Шифротелеграмма

Центральным разведывательным управлением США и другими спецслужбами Соединенных Штатов активно разыскивается иракский физик доктор Шариф Ассадр, ведущий специалист иракской ядерной программы. Розыск Ассадра активизировался после оккупации Ирака коалиционными войсками США и их союзников. Однако, несмотря на все усилия, до настоящего времени розыск положительных результатов не дал. Вероятнее всего, столь высокая активность американских спецслужб объясняется участием Ассадра в работах по созданию ядерного оружия в интересах международной террористической организации «Аль-Кайда».

Начальник управления «С» Службы внешней разведки Российской Федерации

Генерал-майор Изварин.

Прочитав шифротелеграмму до конца, Егоров поднял на начальника управления встревоженный взгляд.

– Такие работы невозможно вести в условиях единичной лаборатории. Значит, у «Аль-Кайды» существует настоящий ядерный центр, куда террористы со всего мира и собирают ученых-ядерщиков!

– Вот именно! – резким движением Локтионов выдернул из лежащей на столе пачки сигарету, вставил ее в рот и, прикурив от карманной зажигалки, сделал две коротких затяжки. – И судя по тому, что диверсанты «Аль-Кайды» перешли к стадии активных действий, работы ученых близки к завершению. Ядерная бомба – это та лакомая кость, ради обладания которой террористы не пожалеют ни сил, ни средств, – Локтионов сделал еще несколько затяжек и продолжил: – Для противодействия «Аль-Кайде» Директор намерен создать специальную оперативную группу из наших сотрудников. Я предложил тебя в качестве руководителя. Подбери нескольких кандидатов себе в помощники, для начала двух-трех человек. Только не затягивай. Думаю, приказ о создании группы будет подписан уже завтра.

– Ясно, Олег Николаевич, – несколько растерянно ответил Егоров. Предложение начальника управления возглавить специальную оперативную группу прозвучало для него совершенно неожиданно.

– Ну, а раз ясно, иди работай.

Локтионов нагнулся к столу и с силой затушил в пепельнице недокуренную сигарету.

10. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва

7 мая – четверг 19.00

Егоров еще раз перечитал заключение патологоанатомической экспертизы, потом снял трубку городского телефона и позвонил на квартиру Корчагиных. К телефону долго никто не подходил, и Егоров уже собирался положить трубку и повторить звонок через час, когда ему наконец ответили.

– Да, я слушаю, – услышал он в трубке неуверенный голос Корчагиной.

– Здравствуйте, Ирина, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче, сказал он. – Это Егоров.

– Андрей Геннадьевич? – к удивлению Егорова девушка запомнила его имя и отчество. – Я вас слушаю.

– Мы закончили патологоанатомическую экспертизу. Я подготовил все необходимые документы и хотел бы передать их вам...

Он опасался, что сейчас Ирина снова расплачется. Но девушка держала себя в руках и лишь уточнила у него:

– Я должна сейчас за ними приехать?

«Это было бы лучше всего», – мысленно заметил Егоров. Но вырывать из дома набегавшую и, наверняка, уставшую за день девушку, которой, несмотря на пережитое ею страшное горе, приходится еще и заниматься организацией похорон, не хотелось. И Егоров предложил:

– Я мог бы сам завезти документы вам домой, если вы не возражаете.

– Хорошо, привозите, – как-то пусто ответила Ирина.

Ее явно не обрадовал его предстоящий визит. С Ириной же требовалось не просто увидеться, передав ей разрешение на захоронение, но и поговорить. И Егоров честно сказал:

– Ирина, нам есть о чем поговорить. Только это конфиденциальный разговор. Не считите мой вопрос бестактным: вы дома одна?

– Одна, – все-таки не удержавшись, Ирина тихо всхлипнула. – Я здесь теперь всегда буду одна. – Ее приглушенные рыдания становились все слышнее. И вдруг, совершенно неожиданно для Егорова, девушка вскрикнула. – Мне так плохо. Пожалуйста, приезжайте быстрее!

– Я сейчас буду!

Егоров быстро поднялся из-за стола, привычно хлопнул себя по боковому карману, где лежали ключи от машины: все, можно ехать.

Пробившись через ставшие обыденностью вечерние пробки в центре Москвы, через полчаса Егоров на своей «Шкоде» наконец выехал на Ленинский проспект, а еще через десять минут был у дома Корчагиных. Заезжая во двор, он заметил на фасаде дома две мемориальные доски. Наверняка в скором времени здесь появится и доска с именем академика Корчагина.

Егоров вошел в подъезд, оказавшийся, несмотря на отсутствие консьержа, удивительно чистым. Вспомнив заплеванной пол и исписанные аэрозольной краской стены в собственном подъезде в Медведково, куда он переехал после развода с женой, Егоров непроизвольно поморщился. Лифты оказались еще старой конструкции, с закрывающимися вручную дверями, но вполне добротными. Егоров вышел на пятом этаже и, ощутило волнуясь, позвонил в обитую кожзаменителем дверь. Сейчас же за дверью послышались быстрые шаги. Щелк-

нул замок, и Егоров увидел на пороге Ирину. Она была в джинсах и черной футболке с тремя вышитыми на груди узкими, вертикальными синими полосками.

– Здравствуйте.

В аэропорту и во время их следующей встречи на Лубянской площади Ирина была в строгом костюме. Сейчас, увидев девушку в домашней одежде, Егоров подумал, как она еще молода и беззащитна перед лицом обрушившейся на нее страшной трагедии.

– Здравствуйте. Входите, – поздоровалась с ним Ирина. – Чаю хотите? – И испугавшись, что он откажется, поспешно добавила: – Пожалуйста, выпейте со мной чая. Я... не могу одна.

– С удовольствием, – ответил Егоров, снимая обувь.

Ирина тут же нагнулась и, достав из-под стоящей в прихожей «стенки» мягкие тапочки, протянула их своему гостю:

– Вот, наденьте папины.

Запнувшись на последнем слове, она закусила губу. Егоров поначалу хотел отказаться – он не любил чужие тапочки, но сейчас, чтобы еще больше не расстроить девушку, надел их.

– Только тогда мне нужно сначала вымыть руки. Где это можно сделать?

– В ванной. Пойдемте, я покажу.

Шагая за ней, Егоров понял, что девушке очень одиноко в этой опустевшей после смерти родителей квартире и, чтобы хоть на время забыться, она старается занять себя. Несмотря на богатую, по советским временам, обстановку, квартира действительно выглядела пустой. «Дом-музей, – внезапно подумал Егоров. – Да и сама Ирина больше похожа на служителя дома-музея, чем на хозяйку квартиры. Странно только, что дома нет Алексея. Ведь он должен понимать, что Ирине тяжело одной».

Пройдя с девушкой на кухню, он не удержался и задал этот вопрос:

– А что же ваш молодой человек не составил вам за чаем компанию?

– Мой молодой человек? – Ирина недоуменно обернулась к Егорову, но через несколько секунд на ее лице проступило понимание. – Вы об Алексее? Что вы, он вовсе не мой молодой человек. Он жених Ольги... Бывший жених.

Вспомнив о погибшей сестре, Ирина болезненно сморщилась.

Егоров тяжело вздохнул.

– Давайте я поухаживаю за вами, а вы пока присядьте, отдохните.

– Нет! – испуганно вскрикнула Ирина, загородившись от него рукой. – Мне легче, когда я чем-то занята. Так что, лучше я за вами поухаживаю.

Она выставила на кухонный стол две одинаковые чашки из столового сервиза (Егоров тут же представил, как из этих чашек пила чай вся семья, когда собиралась за общим столом), сахарницу, вазочку с домашним вареньем и вазу побольше с овсяным печеньем, затем взяла в руки заварочный чайник:

– Вам покрепче или послабее?

– Покрепче, – ответил Егоров.

Ирина наполовину наполнила его чашку заваркой, себе плеснула только на доньшко и долила обе чашки кипятком, потом грустно усмехнулась:

– Мама заваривала замечательный чай, а я так и не научилась.

– Что вы, Ирина, отличный чай, – солгал Егоров, отпив глоток.

В действительности чай оказался совершенно невкусным, да еще к тому же холодным – чайная заварка была сделана раньше и уже успела остыть. Но его неумелый комплимент оказался как нельзя кстати.

– Не лгите, – ответила Ирина и... улыбнулась. Всего на секунду, на одно мгновение, но улыбнулась! – Вот берите лучше варенье. С ним вкуснее.

Егоров послушно положил в чашку три ложки вишневого варенья и снова попробовал – с вареньем чай действительно оказался вкуснее.

– Вы правы. Так гораздо лучше.

Чтобы не обидеть хозяйку, он съел печенье, допил весь чай до дна и съел оставшиеся в чашке ягоды.

– Налить еще? – тут же с готовностью предложила Ирина.

– Спасибо. Может быть, чуть позже.

Егоров понял, что она боится предстоящего разговора, боится узнать правду о гибели своей семьи и старается всячески оттянуть этот момент. Но победить мечущийся в глазах девушки страх можно было только одним способом – открыть наконец ей правду. И Егоров решительно взял в руки принесенную с собой папку.

– Ирина Константиновна, – он сознательно вернулся к обращению по имени-отчеству, чтобы девушка внутренне собралась и приготовилась к этому тяжелому, но необходимому для нее разговору.

– Да, – Ирина опустила напротив него на табурет.

– Вот разрешение на захоронение. Вот другие необходимые документы, – Егоров вынул из папки несколько листов и передал их Ирине, а последний положил на стол перед собой. – А вот заключение патологоанатомической экспертизы. – Он взглянул в лицо сидящей напротив него девушки. Ирина побледнела, но не отводила от него глаз. – Ваша семья погибла не в результате автокатастрофы. Ваших родных убили и только после этого инсценировали автомобильную аварию.

Губы Ирины мелко задрожали:

– Кто это сделал?

– Мы полагаем, что члены международной террористической организации «Аль-Кайда», стремящиеся завладеть ядерным оружием, в создании которого принимал участие и ваш отец.

– Значит папу, маму, Олю и Данила убили из-за бомбы, – медленно произнесла Ирина и вдруг, ударив своими остренькими кулачками по столу, гневно взглянула на Егорова. – Почему же вы не защитили их?! Почему позволили каким-то террористам убить их?! Ведь папа для вас делал эту проклятую бомбу! А вы подло бросили его на произвол судьбы, когда он стал не нужен!

– Я принимаю ваши упреки, Ирина, – со вздохом ответил Егоров. – Вы правы: государство обязано защищать своих ученых. Тем более тех, кто посвятил себя поддержанию его обороноспособности. А я и мои коллеги не уберегли вашу семью. Простите нас, если сможете. Мы не смогли остановить убийц ваших близких. Но я уверен: мы еще можем предотвратить другие преступления против коллег вашего отца, если вы нам поможете.

– Вы считаете, что папиным коллегам тоже угрожает опасность? – испуганно спросила Ирина.

Егоров в ответ утвердительно кивнул головой:

– Именно так, Ирина.

– Но чем же я могу помочь? – Ирина изумленно взмахнула ресницами. Егоров отметил, что у нее большие и очень красивые глаза.

– Скажите: как у Константина Александровича возникла идея поездки в Египет?

– Нет, это не у папы, – Ирина отрицательно покачала головой. – Это Ольга несколько месяцев назад предложила всем нам на майские праздники поехать за границу.

– Вы помните: речь сразу шла о Египте?

– Насколько я помню, сначала она просто предложила поехать отдохнуть за границу. А потом как-то все решили поехать туда, где есть море и тепло. В результате остановились на Египте.

– Вы тоже собирались поехать?

– Хотела, – поправила Егорова Ирина. – Хотя мне с самого начала было ясно, что я не смогу. У нас в институте май – самая горячая пора. Студенты, как обычно, подчищают накопившиеся за семестр хвосты. Преподаватели тоже зашиваются. И мой научный руководитель попросил меня проверить студенческие рефераты и еще помочь ему с приемом зачета в двух группах. Хотя это и не совсем по правилам, но у нас многие аспиранты помогают преподавателям.

– Вы учитесь в аспирантуре? – сообразил Егоров.

– Да.

– На физфаке?

Девушка смутилась.

– Нет, на историческом.

– Значит вы будущий путешественник? – Егоров улыбнулся. – Будете ездить по миру, вести раскопки, отыскивать древние города и изучать забытые цивилизации.

Ирина смешно сморщила носик и отрицательно покачала головой.

– Скорее канцелярская крыса. Я ведь специализируюсь на изучении архивных документов. Так что, скорее всего, всю жизнь проведу в книжной пыли.

– Среди древних манускриптов, – поправил девушку Егоров. – И, как Генри Шлиман, по записям в какой-нибудь древней книге отыщете свою Трою.

Ирина изумленно взглянула на Егорова.

– А Вы оказывается романтик?

Он грустно вздохнул.

– Что вы? Я всего лишь опер, который вынужден вторгаться в чужую жизнь и задавать нудные, а порой и неприятные вопросы.

– Не извиняйтесь, я все понимаю, – Ирина осторожно коснулась руки Егорова. У нее оказались очень нежные пальцы, и Егоров сразу подумал, что из нее могла выйти прекрасная пианистка. – Спрашивайте, что вас еще интересует.

Егоров поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется о чем-то спрашивать, а хочется просто сидеть рядом с ней, чувствуя ее тонкие пальцы на своей руке. Но, сделав над собой ощутимое усилие, он все-таки произнес:

– Скажите, Ирина, а Алексей собирался ехать с Ольгой?

– Да собирался. Но на него внезапно свалился срочный заказ, и он тоже вынужден был остаться.

– А чем он занимается? – быстро спросил Егоров.

– Алексей? Он же журналист – Алексей Бельков. Не слышали?

– Нет, – честно признался Егоров.

– В журналистских кругах он довольно известен. Пишет для разных изданий. Так вот, он любит говорить, что журналиста ноги кормят. А тут ему подвернулась выгодная работа, и он остался в Москве.

– Простите за нескромный вопрос Ирина. Я знаю: это была не дешевая поездка. Кто оплачивал ее? – сменил тему Егоров.

– Ольга хотела заплатить за все путевки сама. Она дизайнер по интерьерам и хорошо зарабатывает. Зарабатывала, – поправилась Ирина. – Но папа настоял, что за их с мамой путевку он заплатит сам.

– Почему?

– Как бы вам лучше объяснить? – на несколько секунд задумалась Ирина. – В начале 90-х, когда папа из Сарова окончательно переехал в Москву, то где-то лет пять не мог найти применения своим силам. Вы, конечно, знаете: тогда закрывались многие научно-исследовательские институты. Папу это очень угнетало. Он пытался работать дома. С утра до вечера

просиживал в своем кабинете. Мы с мамой очень боялись, как бы он от тоски не начал пить. К счастью, все обошлось. Кто-то из старых друзей пригласил его заняться исследованием элементарных частиц в НИИ высоких энергий. У папы снова появился смысл в жизни. Он снова начал зарабатывать. А то, если честно, пока он сидел дома, мы жили довольно плохо. Именно поэтому Ольга, математик по образованию, переквалифицировалась в дизайнеры. Папу это тоже угнетало. Он считал, что из-за того, что он не может материально обеспечить семью, Ольга изменила выбранной ею профессии. Хотя, на самом деле, ей самой новая работа очень нравилась. А для папы возможность оплатить себе и маме недельный отдых за границей была, своего рода, показателем его собственного достоинства.

– Скажите, Ирина, а он многим рассказывал о предстоящей поездке?

– Не знаю. Вряд ли. Папа был общительным человеком, но не болтливым. Хотя его коллеги по институту о предстоящей поездке, конечно, знали.

– А вы кому-нибудь рассказывали о том, что ваши родители собираются поехать за границу?

– Я – нет, – Ирина категорично покачала головой. – Я не сплетница и хвастать не люблю.

– А ваша старшая сестра могла кому-нибудь рассказать?

– Ой, Оля могла. Она такая болтушка, – Ирина улыбнулась, но тут же вспомнив, что ее сестры больше нет, вновь стала грустной.

– А с кем, кроме вас и Алексея, она общалась?

– С коллегами в своей дизайнерской фирме, с подругами в фитнес-центре, с парикмахером – она как раз накануне поездки сделала новую стрижку, с другими родителями у Данила в школе. Оля была очень общительным человеком. У нее было много знакомых.

«И всех их придется устанавливать, пока мы не отыщем иуду», – заметил про себя Егоров, а вслух произнес:

– Спасибо, Ирина, вы нам очень помогли, – и в ответ на недоуменный взгляд девушки добавил: – Это правда.

Он поднялся из-за стола:

– Скажите: вы сами заберете тела ваших родных из морга судебной экспертизы или лучше это сделать мне?

– Я... – Ирина запнулась. – Организацию похорон взяло на себя руководство института, где работал папа. Я передам им эти бумаги, – она указала взглядом на полученные от Егорова листы. – Директор НИИ предложил мне организовать прощание у них в институте и сказал, что они сами заберут из морга папу и остальных...

На глазах у Ирины вновь выступили слезы. Егоров подошел к девушке и осторожно пожал ей руку:

– До свидания, Ирина. Я обязательно приду попрощаться с вашим отцом и вашими близкими. Не потому, что это моя служебная обязанность, а потому, что ваш отец был выдающимся ученым, сделавшим очень много для страны и нашей с вами безопасности.

11. Урус-Мартанский район, Чечня

8 мая – пятница 07.00

Туман был настолько плотным и густым, что казался осязаемым. За ночь он насквозь пропитал армейские бушлаты и десантные комбинезоны четырех мужчин, лежащих в густых кустах, на краю оврага. Но все четверо были тренированными людьми, получившими специальную подготовку в спецподразделении «Альфа» и умели переносить холод, сырость и другие трудности, которыми изобиловала их каждодневная служба. Трое из них прослужили в элитном подразделении госбезопасности по несколько лет, а их командир, тридцатилетний майор, перешагнул пятилетний рубеж. Лежа на сырой земле, все четверо думали о смене, которая должна была прийти в восемь утра, и о тех, кто явится за закопанными в овраге ящиками тротила. Поисковая группа «Альфы» обнаружила схрон со взрывчаткой три дня назад, и с тех пор, сменяя друг друга, «альфовцы» вели за ним непрерывное наблюдение. Никто не знал, когда устроители тайника будут забирать взрывчатку, но возглавляющий группу майор считал, что это произойдет в ближайшие сутки, в канун Дня Победы. Чеченские боевики не раз устраивали свои чудовищные теракты именно во время всенародно отмечаемых праздников. И закопанные в тайнике сто двадцать килограммов тротила, по мнению командира «альфовцев», могли предназначаться только для изготовления фугаса, который террористы планируют взорвать на месте проведения парада Победы, торжественного митинга или праздничного концерта, чтобы оборвать и искалечить как можно больше человеческих жизней.

Размышления командира группы внезапно прервал едва различимый в тумане шум двигателя приближающегося автомобиля. Раскачиваясь на ухабах, к оврагу подъехал темно-зеленый «УАЗ» с красным крестом на борту. Из подъехавшего фургона выбрались двое мужчин в брезентовых штормовках и, внимательно осматриваясь вокруг, разошлись в разные стороны. Наблюдающий за ними майор разглядел, что под одеждой они прячут висащие на плечах автоматы.

Один из бандитов подал знак водителю, после чего тот тоже присоединился к ним. После короткого обмена фразами, все тот же боевик, очевидно старший, остался возле машины, а водитель и третий боевик, захватив из салона лопату, спустились в овраг. Там они разбросали ветки, которыми был замаскирован тайник, сняли дерн и принялись выкапывать из земли ящики со взрывчаткой. Главарь несколько раз прошелся по краю оврага, наблюдая за их работой, потом достал из кармана изрядно помятую пачку «Беломора», открыл и вынул оттуда набитый анашой косяк. Отвлекаясь на прикуривание, он перестал контролировать обстановку и тем самым ускорил развязку.

– К бою! – отрывисто скомандовал наблюдающий за главарем бандитов командир «альфовцев» и, взвизывая над кустами, ринулся к боевику.

Майор, словно штыком, ткнул его массивным стволом своего «винтореза»² в солнечное сплетение. Боевик охнул и, выпучив глаза, упал на колени. Майор коротким ударом в ухо опрокинул бандита на землю и, оседлав его скрюченное судорогой тело, ловко стянул за спиной руки одноразовыми пластиковыми наручниками. В овраге глухо кашлянул «винторез» одного из «альфовцев» – кто-то из выкапывающих взрывчатку боевиков на свою беду попытался оказать сопротивление, но в схватке с профессионалами из «Альфы» у бандитов не было никаких шансов. Все закончилось в считанные секунды, и уже через минуту «альфовцы» вывели из оврага захваченного боевика и выволокли труп его застреленного подельника.

² »Винторез», или ВСС – автоматическая снайперская винтовка калибра 9 мм, состоящая на вооружении спецназа.

– Грузите всех в машину! – командовал своим бойцам майор. – И не забудьте взрывчатку.

Через два часа на ханкалинской военной базе, где размещалось подразделение группы «А», сдав задержанных бандитов и изъятую из тайника взрывчатку, майор направился в штаб, чтобы доложить о результатах операции. Увидев его, ответственный дежурный, седой подполковник, выглянул из окна дежурной части и громко крикнул:

– Ватутин! Тут тебе из Москвы звонил... – он сверился со своими записями. – Полковник Егоров.

– Егоров? – лицо майора просветлело. – И что сказал?

Дежурный улыбнулся:

– Сказал, что еще позвонит. Так что ты не отходи далеко. Вдруг что-то важное.

12. Москва, Юго-Восточный округ

9 мая – суббота 14.00

Миновал «спартаковский» стадион, тяжелый «Опель-Фронтера» свернул к обнесенной бетонным забором строительной площадке.

– Это, что ли, ваше место? – с усмешкой спросил с заднего сиденья внедорожника молодой коротко стриженный парень в джинсах, модной ветровке и бейсболке с эмблемой баскетбольного клуба «Чикаго булс» на голове.

Сидящий за рулем «Опеля» плотный мужчина с напряженным лицом и его жилистый спутник с наголо бритым черепом, который он прятал под капюшоном спортивной олимпийки, хранили молчание. Сидящий у них за спиной парень снова усмехнулся, продолжая смачно щелкать жвачкой. Но когда «Опель» подъехал к опустевшей на время праздников стройке, он внезапно подался вперед и резко скомандовал:

– Не останавливаться!

Водитель вздрогнул от неожиданности, не успев в нужный момент повернуть руль, и катящийся по дороге «Опель» проехал мимо въезда на стройплощадку.

– Ты чего? – рассерженный водитель обернулся к своему пассажиру.

– Ничего. Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет. Обьедь вокруг – глянем, что к чему.

Бритоголовый сосед водителя презрительно скривился, обнажив почерневшие гнилые зубы, но ничего не сказал. Внедорожник поехал вокруг забора.

– Ну? – спросил водитель, когда, обогнув стройку, машина снова приблизилась к единственному въезду.

– Вроде все в порядке, – заметил парень в бейсболке, оглядываясь по сторонам. – Заезжай.

«Опель» въехал на стройку и, свернув к котловану, остановился возле сложенных друг на друга бетонных плит. Парень в бейсболке пружинисто выпрыгнул из салона и, разминая ноги, обошел вокруг машины.

– Ну! Долго будем ждать? Где товар? – сквозь зубы процедил он, обращаясь к выбравшимся из машины водителю и его бритоголовому спутнику.

– Скелет, принеси, – приказал водитель, не спуская с парня пристального взгляда.

Длиннорукий Скелет направился к сложенным штабелем плитам. Присев возле них на корточки, он разрыл руками бетонное крошево и вытянул из-под нижней плиты развинчивающийся свинцовый цилиндр. Ухватив цилиндр за рукоятки, он с ощутимым усилием поднял его, при этом рукава его олимпийки задралась вверх, обнажив татуированные бицепсы, и, перенеся ближе, поставил возле водителя.

– Деньги! – потребовал водитель у парня в бейсболке.

Но тот отрицательно покачал головой.

– Не так быстро, мужики. Сначала скажите, откуда у вас товар?

– Мужики на зоне баланы³ катают, – окрысился Скелет.

– А тебе какая, хер, разница, откуда? – грозно нахмурился водитель. – Мы тебе дали товар на пробу – ты его проверил! Так о чем базар?

– А почему я знаю, что у вас здесь?! – пошел в наступление парень, указав взглядом на стоящий на земле свинцовый цилиндр. – Может, у вас та капсула была единственной, а сейчас вы мне хотите вместо урана реакторную отработку подсунуть.

³ Баланы – бревна (блатной жаргон).

– Да я тебя на части порву, сука, за такой базар! – вскинулся Скелет. Он по-блатному взмахнул руками, отчего капюшон олимпийки свалился с его головы, открыв шишковатый череп.

– Глохни, – не оборачиваясь, приказал водитель, и Скелет тут же замолчал, продолжая сверлить парня злобным взглядом.

– Значит так, – подводя черту, сказал водитель «Опеля». – Вот товар. Цену ты знаешь. Берешь – бери. Нет – мы предложим его другим покупателям.

– Интересно, кому? – усмехнулся парень.

– Да, хоть чеченам! – отрезал Скелет.

Продолжая улыбаться, парень перекатил во рту комок жвачки и сказал:

– Они вам бошки отрежут и весь ваш товар так заберут. А мы наших поставщиков никогда не кидаем, но должны быть уверены, что берем качественный товар, а не туфту. Если вы действительно серьезные люди, то должны знать, откуда этот уран, – закончил парень, снова кивнув на стоящий на земле свинцовый контейнер.

Мрачный водитель еще сильнее нахмурился. Его задвигавшаяся нижняя челюсть свидетельствовала о напряженной работе мозга.

– Про Красноярск-25 слышал? – наконец произнес он.

– Слышал, – утвердительно кивнул головой парень в бейсболке.

– Оттуда и товар.

– Другой разговор, – улыбнулся парень и, резко выдохнув, выплюнул комок жвачки в лицо водителю.

В тот же миг у окружающего строительную площадку бетонного забора появились шестеро, словно выросших из-под земли, молодых крепких мужчин и ринулись к подъехавшей на «Опеле» тройце. Водитель в панике бросился обратно к машине, но был сбит с ног одним из нападавших.

– Заложил, сука! – истерично выкрикнул Скелет и, сунув руку в карман олимпийки, выхватил оттуда ручную гранату. – Всех положу!

Рванув за кольцо, он выдернул из гранаты предохранительную чеку, но бросить ее не успел. Парень в бейсболке обхватил его кулак двумя руками, не позволяя разжать пальцы. Скелет заскрежетал зубами, пытаясь выдернуть захваченную руку. Но парень ударил его коленом в пах и вырвал гранату из ослабшей руки.

– Так ты мент... – прохрипел запоздало сообразивший Скелет, но закончить мысль не успел.

Двое бойцов группы захвата сбили его с ног и ловко надели на него наручники.

– Найдите кто-нибудь кольцо! – крикнул коллегам парень в бейсболке, продолжающий сжимать в кулаке вырванную у Скелета гранату.

– Да где тут его найдешь! – отозвался командир группы захвата, обшаривая взглядом разбросанный под ногами строительный мусор.

Так и не найдя гранатное кольцо, он поднял с земли кусок стальной проволоки и, вставив его на место чеки, завязал узлом.

– Отдадим взрывотехникам. Пусть что хотят, то и делают, – заметил он, забрав у парня обезвреженную гранату. – А ты молоток! – он одобрительно хлопнул парня по плечу. – Еще бы секунда, и этот урод взорвал бы и себя, и нас.

– Наркоша, чего с него возьмешь, – расслабленно улыбнулся парень. Только сейчас, после пережитого напряжения, он почувствовал, как дрожат руки.

– Наркоша, говоришь, – командир группы захвата повернулся к распростертому на земле Скелету, которого обыскивали его бойцы. – Ну, мы его полечим. Шоковой терапией.

После успешного задержания торговцев радиоактивными материалами командира группы захвата тянуло поговорить, и он снова повернулся к своему коллеге, мастерски сыгравшему роль покупателя.

– Хорошо, что они не сразу на стройку заехали. А то тут кругом забор – незаметно не подобраться. Повезло.

– Повезло, – усмехнулся парень в бейсболке. – Это я осмотреться «решил».

– Ты?! – командир группы захвата восхищенно взглянул на своего коллегу из оперативного отдела. – Молоток! Дай пять!

Молодой оперативник протянул товарищу руку.

– До управления подбросите?

– О чем разговор, – с охотой откликнулся командир группы захвата.

Высадив своего коллегу у дома номер два на Большой Лубянке, бойцы группы захвата повезли задержанных в следственный изолятор ФСБ, а молодой оперативник зашел в подъезд и поднялся в дежурную часть управления по борьбе с терроризмом, где сдал ответственному дежурному полученный на время операции радио-микрофон. Он уже собрался уходить, когда дежурный внезапно крикнул ему в спину:

– Да, Вадим, чуть не забыл. Тебя же Егоров искал. Уже два раза звонил.

Оперативник мгновенно обернулся и с усмешкой спросил:

– А в гости не звал?

– А это ты у него сам спроси, – хохотнул дежурный и, подвинув к себе справочник с домашними и служебными телефонами сотрудников управления, поинтересовался. – Телефон назвать.

– Не надо, я помню, – ответил Вадим и, достав из поясного футляра сотовый телефон, начал набирать номер мобильного телефона Егорова.

13. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва

11 мая – понедельник 16.00

– Разрешите, товарищ полковник?

Вошедший в кабинет молодой майор в камуфляжном комбинезоне, такой же камуфлированной мягкой кепке и высоких десантных ботинках остановился на пороге, в упор разглядывая Егорова. Их взгляды встретились. И не в силах больше сдерживать улыбку, вошедший офицер резко бросил раскрытую ладонь к виску и радостно воскликнул:

– Майор Ватутин в ваше распоряжение прибыл!

Егоров улыбнулся в ответ, молча поднялся из-за стола и подошел к майору. В следующую секунду, к удивлению сидящего напротив стола Егорова молодого мужчины в джинсах и шведке с короткими рукавами, они стиснули друг друга в крепких объятиях.

– Как служба? – первым нарушил молчание Егоров.

– Идет, Андрей Геннадьевич, – по-прежнему продолжая улыбаться, ответил ему майор. – Я к вам прямо с аэродрома. Даже переодеться не успел.

– Ботинки по дороге чистил? – Егоров указал рукой на черные пахнущие гуталином ботинки майора.

– Точно, – Ватутин утвердительно кивнул. – Прямо в нашем автобусе. Не мог же я к вам в нечищенных ботинках явиться... Значит, снова будем работать вместе?

– Будем, – Егоров подвел офицера к своему столу и представил сидящего напротив молодого парня. – Капитан Чигорин из нашего управления. – Затем указал взглядом на майора, представляя его Чигорину. – Майор Ватутин, спецподразделение «А», командир десантно-штурмовой группы.

Чигорин пружинисто поднялся со стула, протянув Ватутину руку:

– Вадим.

– Александр, – в ответ назвал свое имя майор «Альфы».

Они пожали друг другу руки. Чигорин оказался ниже Ватутина на полголовы, но рукопожатие у него было таким же крепким, как у майора спецназа. Когда он сжал Ватутину руку, на открытых по локоть руках проступили рельефные мышцы. Ватутин скользнул по своему новому знакомому оценивающим взглядом, но ничего не сказал.

– Познакомились? – усмехнулся Егоров. – Тогда давайте к столу.

– Для начала введу вас в курс дела. В целях противодействия международному терроризму, президентом страны перед нашей Службой поставлена задача: предотвратить похищение ядерных боеприпасов и технологии производства ядерного оружия. Наша оперативная группа создана для выявления и пресечения разведустремлений «Аль-Кайды», равно как и других террористических организаций, стремящихся к обладанию ядерным оружием.

Чигорин скептически усмехнулся:

– Бен-Ладен каждый год грозит миру ядерной бомбой. Только если бы она у него была, он бы уже давно взорвал ее.

Егоров резко вскинул на капитана строгий взгляд:

– У тебя неверная информация! Я просмотрел в нашем архиве все публичные заявления Бен-Ладена за последние десять лет. Так вот, его последнее заявление с угрозой применения ядерного оружия относится к 2001 году. С тех пор он ни разу не упомянул о ядерной бомбе! И знаешь почему?!

Не ожидавший такой бурной реакции начальника Вадим Чигорин пристыженно молчал. Но Егоров сам ответил на собственный вопрос:

– Потому что с этого года в структуре «Аль-Кайды» существует диверсионно-разведывательное подразделение, охотящееся за ядерными боеприпасами и технологией их производства!

Под пристальным взглядом начальника оперативной группы Вадим буквально вжался в стул. Глядя на него, Егоров решил, что теперь Чигорин серьезно отнесется к стоящей перед группой задаче, и продолжал прежним спокойным голосом:

– Подчиняется подразделение шейху Абу Умару. На сегодняшний день это, пожалуй, один из самых одиозных лидеров «Аль-Кайды».

При упоминании имени Абу Умара Вадим Чигорин понимающе кивнул. А для Ватутина Егоров пояснил:

– Абу Умар в прошлом один из самых жестоких и кровавых полевых командиров афганского сопротивления. Его бандиты творили бесчинства в окрестностях Кандагара, порой поголовно вырезая целые кишлаки по малейшему подозрению в их связи с нашими войсками. Захваченных в плен наших солдат Абу Умар никогда не обменивал на своих боевиков, а безжалостно убивал, устраивая жуткие по своей жестокости казни. В 87-м, когда я командовал разведвзводом «Каскад», мы захватили полевой лагерь одной из банд Абу Умара. По данным нашей разведки, в лагере находились четверо наших солдат, захваченных боевиками несколько дней назад. Лагерь мы взяли, а вот спасти наших парней не успели. Бандиты еще накануне расправились с ними. С двоих заживо содрали кожу, а затем отрубили головы. Двух других мальчишек, раздев догола, посадили на колья в самом центре лагеря. Когда мы потом снимали с кольев их тела, бойцов выворачивало наизнанку. Ликвидация Абу Умара стала впоследствии приоритетной задачей «Каскада», но он, каким-то образом узнав об этом, перебрался в соседний Пакистан и вернулся назад уже только после вывода из Афганистана наших войск. В Афганистане Абу Умар вошел в духовный совет Талибана, а затем фактически возглавил движение, став главой шариатского суда. Именно Абу Умар предоставил военные лагеря талибов для подготовки боевиков «Аль-Кайды», что позволило ему войти в руководство организации Бен-Ладена. Через него талибы и боевики «Аль-Кайды» поддерживали связь с таджикскими и узбекскими бандами «непримиримых» и чеченскими боевиками. В военных лагерях Абу Умара прошли подготовку большинство чеченских полевых командиров, а направляемые им в Чечню арабские и афганские наемники регулярно пополняют отряды боевиков. После разгрома талибов в Афганистане и оккупации страны американскими войсками, Абу Умар вновь бежал из Афганистана. Скорее всего, он обосновался в одной из неподконтрольных правительству Пакистана северных провинций страны, откуда и направляет деятельность охотящегося за ядерным оружием отряда «Аль-Кайды».

– Серьезный противник, – вынес заключение Ватутин.

– Серьезный, – согласно кивнул Егоров. – Но наш главный противник не менее серьезен и гораздо опасней... Командир диверсионного отряда «Аль-Кайды», кличка «Шах». Внешность, возраст, национальность и подлинное имя неизвестны. Бывший сотрудник спецслужбы одной из мусульманских стран. Знает несколько иностранных языков. В совершенстве владеет холодным и огнестрельным оружием, а также приемами защиты и нападения.

При последних словах Егорова майор Ватутин презрительно скривился:

– Так уж и в совершенстве?

Вадим, только что испытывавший на себе строгость начальника, поспешно пнул его под столом ногой и с опаской взглянул на Егорова. Но Егоров лишь озабоченно покачал головой и с болью в голосе произнес:

– Александр, и в Афганистане, и в Чечне я встречал немало бойцов, прекрасных бойцов, которые погибли, потому что недооценили противника. Не повторяй их ошибок.

– Андрей Геннадьевич, вы со мной прямо как с мальчишкой, – обиженно вскинулся Вагутин. – Что я, не понимаю? Сам тому же своих парней учу. Просто у вас Шах – просто какой-то герой, а он – обыкновенный террорист.

– Верно, – кивнул головой Егоров. – Шах террорист. Только определение «обыкновенный» вряд ли к нему подходит.

– Он, что же, может появиться в России? – удивился Чигорин.

– Не исключено, – заметил Егоров. – Скорее всего, именно диверсанты Шаха похитили и убили в Египте семью академика Корчагина. Неизвестно, какую информацию получили они от Корчагина, но то, что они воспользуются ею, не вызывает сомнений. Поэтому прежде всего необходимо выяснить, какими важными для террористов сведениями располагал Корчагин. Во-вторых, установить, как террористы вышли на него. Ведь у них были полные сведения о нем, вплоть до того, куда поедет семья академика и в каком отеле остановится. И нам предстоит узнать, от кого террористы получили эти сведения. Нужно будет определить круг лиц, которые знали об отъезде семьи Корчагина за границу. Вот таков план на ближайшее время, – закончил Егоров и обвел внимательным взглядом своих коллег.

– Да, – задумчиво протянул Вадим Чигорин, массируя пальцами лоб. – Я уже и забыл, как это работать с Вами, Андрей Геннадьевич.

– Вспомнишь, – усмехнулся Егоров и, придвинув к себе пронумерованный служебный блокнот и вооружившись авторучкой, предложил: – Распределим задачи...

14. Управление по борьбе с терроризмом ФСБ России, Москва

11 мая – понедельник 18.25

После совещания из кабинета Егорова, Ватутин и Чигорин вышли вместе.

– Может, по пиву?

– Неплохо бы. Только куда я в таком виде? – остановившись, Ватутин провел рукой по своему камуфляжному комбезу.

– Верно, – усмехнулся Чигорин и тут же предложил. – Тогда приглашаю ко мне. Не пива, так хотя бы кофе выпьем за знакомство.

– Пойдем.

Они прошли до самого конца коридора. Кабинет Чигорина располагался почти напротив мужского туалета.

– Зато за водой близко ходить, – усмехнулся Вадим, подходя к двери своего кабинета. Он толкнул входную дверь, но она оказалась заперта. Это, однако, Вадима нисколько не смутило. Он вынул из кармана джинсов собственный ключ и, вставив его в замочную скважину, пояснил: – Напарник уже смотался. Он вообще дольше положенного задерживаться не любит. Но это и к лучшему. Никто не помешает, – добавил он, открывая дверь. – Заходи. Чувствуй себя как дома, – посторонившись, он пропустил Ватутина вперед. – А я пока чайник поставлю.

Кабинет выглядел вполне стандартно. Два письменных стола, поставленных лоб в лоб друг к другу. В дальних углах, возле окна, одинаковые стальные сейфы. У одной из стен платяной шкаф, напротив – два свободных стула. На одном из столов стоял компьютер.

– Твой? – спросил Ватутин, указав взглядом на компьютер.

– Напарника, – ответил ему Вадим, остановившийся возле платяного шкафа. – Моя вот эта техника, – обернувшись, он с усмешкой махнул рукой на наклеенный на стену красочный календарь с изображением байкерского мотоцикла, на руль которого облокотилась длинноногая красавица в обрезанных джинсовых шортах и узкой короткой маечке, из которой буквально рвались наружу пышные груди.

Взглянув на мотоцикл и постерную красотку, Ватутин откровенно рассмеялся. Вадим тем временем достал с полки платяного шкафа электрический чайник и, обернувшись к своему новому товарищу, скомандовал:

– Кофе, сахар и чашки в столе, в нижнем ящике. Давай, организуй все. А я за водой сгоняю.

Отдав распоряжение, он вышел за дверь. Александр подошел к столу, но тут его внимание привлекли разложенные на столе, под оргстеклом, любительские фотографии. Их было три. На одной из них группа из шести человек в полевой камуфляжной форме была запечатлена на фоне десантно-транспортного вертолета. Снимок получился не резким, тем не менее Ватутин узнал стоящего в центре полковника Егорова и своего нового коллегу Вадима Чигорина, расположившегося с краю. На втором снимке был запечатлен горный пейзаж с узкими долинами, снятый с вертолета, – в кадр попал внешний пилон с подвесным топливным баком. Ватутин лишь мельком взглянул на него. За свою службу он повидал множество покрытых «зеленкой», снегом и затянутых туманом гор, долин и ущелий Северного Кавказа, мирных, а чаще перечеркнутых трассерами автоматных и пулеметных очередей и дымными следами гранатометных выстрелов. Куда больше его заинтересовал третий снимок, где Чигорин в полевой форме в компании отделения автоматчиков, спустившихся с БТРа, был сфотографирован, на этот раз уже в центре, на фоне полуразрушенного городского квартала.

За изучением этого снимка его и застал вернувшийся Вадим.

– Так у тебя еще ничего не готово? – обиженно спросил он, поставив чайник на электрическую подставку и воткнув шнур в розетку.

– Давно из Грозного? – спросил у него Ватутин, ткнув пальцем в последний снимок.

Вадим бросил взгляд на фотографию:

– Четыре года назад. Я тогда еще старлеем был. Моя первая командировка в Грозный и вообще на Кавказ. – Он горько усмехнулся и добавил: – Если бы не Егоров, я там бы и остался, на куче мусора. Андрей Геннадьевич мне тогда жизнь спас. И всем этим ребятам, – Вадим постучал пальцем по фотографии, – тоже.

– Как это? – Ватутин вскинул на него вопросительный взгляд.

– Он тебе не рассказывал?! – в свою очередь удивился Вадим. – Я понял: вы с ним давние друзья.

– Нет, – отрицательно покачал головой Ватутин.

– Тогда слушай. Занятная история. – Воодушевившись, Вадим принялся рассказывать. – Поступила к нам оперативная информация о том, что группа чеченских боевиков готовит теракт в Москве. А взрывчатка для теракта якобы спрятана где-то в Заводском районе Грозного. В общем, опуская детали, скажу, что мы все-таки выследили бандитов, которые пришли за взрывчаткой. Решили брать их, когда они выйдут к тайнику. Ночь, третий час. Егоров в комендатуре Заводского района по радиации руководит операцией. Я с отделением спецназа слежу за бандитами. Те и привели нас на бывший завод резинотехнических изделий. От завода, правда, одни разрушенные корпуса остались. Бандиты по заводской территории порыскали и рванули к одному из цехов. Я по радиации доложил Егорову об их перемещении и за ними. А цех интересный оказался: окон нет, входные ворота каким-то строительным мусором и железными конструкциями завалены. Боевики у ворот покрутились и по пожарной лестнице на крышу взобрались, чтобы оттуда внутрь пробраться. Я про себя думаю: там мы их и возьмем. Спецназовцы, что со мной были, тоже подобрались, готовятся к штурму. И в этот момент выходит на связь Егоров и приказывает нам всем немедленно покинуть территорию завода, организовав наблюдение по периметру. Я чуть не обалдел: вот же они, боевики, и тайник со взрывчаткой где-то в цехе. А Егоров одно – покинуть территорию завода – и точка. Пришлось подчиниться. Выбрались мы, рассредоточились вокруг, наблюдаем. Час проходит, другой, рассвело – бандитов нет. В десять утра на пожарной машине, в сопровождении двух БТРов, приезжает Егоров, а с ним четверо эмчээсников в костюмах радиационной защиты. Ощупали нас всех своими дозиметрами и к цеху. А когда с крыши, через проделанную «чехами» брешь, в цех заглянули, все ясно стало. Оказывается, в этом цехе еще с советских времен располагалась установка полимеризации каучука. А в ней радиоактивные стержни, тонкие, как карандаши, но невероятной мощности излучения. Их-то бандиты и собирались установить в Москве в местах скопления людей, но только и успели вскрыть установку да пару стержней оттуда вытащить, как окочурились. И с нами бы то же самое случилось, если бы мы следом за ними в этот цех полезли. А мы бы точно полезли, если бы Егоров нам не запретил. Я давай допытывался: откуда он про ту установку узнал. А Андрей Геннадьевич только усмехнулся. Цех, говорит, мне тот по твоему описанию не понравился: без окон, без дверей. Решил выяснить, что там до войны было. Так и узнал. Вроде все просто, но парни из спецназа, которые в ту ночь со мной были, на Егорова потом смотрели, как на бога. – Вадим обернулся на шум закипевшего чайника. – Ладно, давай кофе пить.

Он сам достал из нижнего ящика жестяную банку растворимого кофе, стеклянную банку с сахаром и две керамические чашки. Сделав очередной глоток, Чигорин спросил:

– Кстати, а как ты узнал, что снимок из Грозного? Он же не подписан.

– Мне эта панорама, – Ватутин еще раз взглянул на фотографию, – по ночам целый месяц снилась.

– Расскажи, – попросил Вадим.

Несколько секунд Ватутин сосредоточенно размышлял, потом кивнул головой:

– Ладно, дело прошлое. Можно и рассказать. Вскоре после того, как чеченское правительство вернулось из Гудермеса в освобожденный Грозный, в Заводском районе объявился бандитский снайпер и принялся обстреливать блокпост и районную комендатуру. Как раз отсюда и стрелял, – Ватутин еще раз бросил взгляд на фотографию.

– Так это ведь далеко! – удивился Чигорин. – От этих развалин до блокпоста метров пятьсот, а комендатура еще дальше!

– Шестьсот пятьдесят, – поправил его Ватутин. – Мастером оказался. Когда мою группу перебросили в Грозный из Ханкалы, эта сволочь уже успела трех наших солдат-взвэшников застрелить, одного офицера комендатуры и двух чеченских милиционеров. Район заводских руин огромный, сам знаешь. Его целым батальоном неделю надо зачищать. А у меня в группе всего шесть человек. Тут тактика может быть только одна: в засаду и ждать. Тем более что было понятно: снайпер приходит на позицию ночью, в темноте, днем делает несколько выстрелов и тут же уходит. Мы определили здания, откуда он мог вести огонь, с наступлением темноты скрытно расположились вокруг, стали ждать. Но снайпер в ту ночь так и не появился. Мы пролежали в камнях до рассвета. Утром я увел бойцов на блокпост, а вечером мы снова выдвинулись на позиции. Трое суток мы выслеживали чеченского снайпера. По ночам выбирались в развалинах заводских цехов, а днем, по очереди сменяя друг друга, наблюдали за окрестностями с блокпоста. И вот на четвертый день...

Мысленно майор Ватутин вновь перенесся на три года назад в освобожденный Грозный, мирную жизнь которого то и дело нарушали жестокие и кровавые вылазки чеченских боевиков...

* * *

Рассвет наступил час назад. Но Ватутин все не давал команды своим бойцам возвращаться на блокпост, хотя сведенные ночным холодом мышцы вконец задубели. Ватутин не меньше своих бойцов мечтал о кружке горячего чая и шерстяном солдатском одеяле, в которое, придя на блокпост, можно будет завернуться и, согрившись под ним, поспать несколько часов до следующей бессонной ночи. Но какое-то необъяснимое чувство удерживало его на месте, за кучей кирпичных обломков, заставляя вновь и вновь вглядываться в пустые глазницы выбитых окон заводских цехов и административных зданий. Вокруг ничего не изменилось. Все было точно так же, как накануне, как и трое суток назад, когда десантно-штурмовая группа «Альфы», под его командованием прибыла на блокпост в Заводском районе Грозного. Ватутин взглянул на часы. Совсем скоро по дороге, на которой установлен блокпост, начнется интенсивное движение, и возвращающихся обратно «альфовцев» могут заметить военнотружашие с проезжающих машин и сами чеченцы. Засада будет расшифрована. А если эта информация дойдет до чеченского снайпера, он тут же сменит район и уже завтра может появиться где-нибудь в другом месте. Нет, надо уходить.

Ватутин приблизил пальцем ко рту микрофон своего радионаушника и тихо, но отчетливо прошептал:

– Парни, уходим.

Справа и слева от него, словно из-под земли, выросли шесть теней в маскировочных комбинезонах и быстро выстроились в колонну по одному, на расстоянии десяти метров друг от друга.

– Командир, мы готовы, – тут же раздался в наушнике голос заместителя.

Ватутин последний раз пробежал взглядом по фасадам полуразрушенных зданий и, поднявшись с земли, присоединился к колонне.

Через несколько минут группа из семи продрогших за ночь «альфовцев» добралась до блокпоста. В помещении бодрствующей смены, на столе, бойцов уже ждал неоднократно подогретый на электроплитке чайник.

– Что сегодня так долго? – обратился к Ватутину начальник блокпоста, дюжий налысо бритый капитан внутренних войск.

– Не знаю, – честно признался Ватутин. – Предчувствие какое-то нехорошее.

Капитан лишь пожал плечами и, ничего не ответив, вышел наружу. Ватутин приказал двум своим бойцам вести наблюдение, остальных после чая отправил спать, а сам с кружкой в руках подошел к смотровому окну. Снаружи, у перегораживающей проезжую часть дороги стальной трубы, раскрашенной красной и белой краской, прогуливался караульный дежурной смены в бронежилете и с автоматом на плече. Двое его напарников, расположившихся возле выставленного в стрелковую амбразуру станкового пулемета, о чем-то разговаривали между собой. Они не только не вели наблюдение, но даже не смотрели по сторонам. Ватутин поморщился. Не удивительно, что при таком несении службы чеченский снайпер застрелил на блокпосту уже трех человек и еще троих у здания комендатуры. Ватутин уже собирался выйти к пулеметчикам и, не дожидаясь начальника блокпоста, самостоятельно вбить в головы обоим раздолбаям, как следует вести наблюдение. Но в этот момент расхаживающий возле опущенного шлагбаума караульный внезапно споткнулся на ходу и, уронив свой автомат, опрокинулся на спину. Оба пулеметчика обернулись на звук загрохотавшего по асфальту автомата и теперь недоуменно таращились на своего лежащего ничком товарища. В отличие от них, Ватутин своим опережающим сознанием мгновенно разглядел испорченный бронежилет на правой стороне груди караульного, куда угодила выпущенная снайпером пуля, и, бросив на пол недопитую кружку, рванулся к своему поставленному к стене автомату, одновременно выкрикивая на ходу:

– К бою!

– Ориентир номер три – кирпичное здание, четвертый этаж, второе окно от угла! – в ту же секунду донесся с крыши блокпоста предупредительный крик одного из наблюдателей.

Ватутин перевел дыхание: дозорные все-таки засекли огневую позицию чеченского снайпера. Правда, ориентир номер три почти в семистах метрах от блокпоста. И бежать придется на виду у вражеского стрелка. Вся надежда на своих снайперов. Он окинул взором выстроившихся перед ним в полном боевом снаряжении бойцов и громко, чтобы наблюдатели на крыше тоже услышали голос командира, скомандовал:

– Бронежилеты оставить! Снайперы на крышу! Остальные за мной!

Двое снайперов, подхватив с пола стоящие на сошках дальнобойные винтовки с мощной оптикой, бросились к ведущей на крышу железной лестнице. Двое других «альфовцев» с облегчением скинули тяжелые бронежилеты, которые, как оказалось, легко пробивались чеченским стрелком, и устремились вслед за командиром. Ватутин выбежал наружу первым. Следом за ним из дверей блокпоста вывалились двое его бойцов, а еще через несколько секунд к ним присоединились спрыгнувшие с крыши наблюдатели. Стремительно меняя направления, чтобы не дать чеченскому снайперу прицелиться, пятерка «альфовцев» устремилась к указанному наблюдателями зданию. Когда бойцы отбежали метров на пятьдесят, со стороны блокпоста по руинам заводского квартала ударил пулемет. Ватутин мысленно усмехнулся. Снайперы «Альфы» не стреляли, значит, и пулеметчики били не по вражескому стрелку, а просто вымещали таким образом собственную ярость и бессилие. Но сейчас они объективно действовали на пользу «альфовцам», давая чеченскому снайперу на психику и не позволяя ему изготавиться у окна для следующего выстрела.

Пулеметная очередь оборвалась, когда бойцы «Альфы» были на полпути к зданию, откуда выстрелил чеченский снайпер. Еще сто метров «альфовцы» пробежали в полной тишине. Ватутин, бежавший первым, даже предположил, что чеченский снайпер сбежал из

здания. Но за сто пятьдесят метров до фасада в оконном проеме, но не четвертого, а третьего этажа, возникла темная человеческая фигура. В ту же секунду оконный проем осветился огненной вспышкой, и по бегущим спецназовцам хлестко ударила пулеметная очередь. Увидев в окне огненный проблеск, Ватутин отпрянул вбок и, упав за кучу строительного мусора, полоснул по окну из своего автомата. Но вражеский пулемет уже захлебнулся. Зато сзади раздались приглушенные стоны. Ватутин обернулся. Один из его бойцов лежал на боку и зажимал обеими руками простреленную ногу.

– Помоги ему! – крикнул Ватутин бойцу, оказавшемуся ближе всех к раненому товарищу, а сам с двумя другими бойцами устремился к зданию.

Преодолев последнюю сотню метров, они наконец добежали до фасада и через выбитые и сорванные с петель двери ворвались внутрь. Не тратя времени на зачистку нижних этажей, Ватутин сразу бросился по лестнице на третий этаж. Прикрывая сзади своего командира, бойцы бежали следом за ним. Он хорошо запомнил окно, откуда стрелял пулеметчик, поэтому сразу нашел нужное помещение. Ударом ноги с ходу выбил чудом сохранившуюся дверь и, выпустив в дверной проем длинную очередь, ворвался внутрь. В пустом, поклеванном пулями помещении, бывшем до войны чьим-то кабинетом, лежал у окна чеченский боевик в камуфляже и с зеленой повязкой на лбу. По его позе Ватутин сразу определил, что он мертв, а подойдя ближе, увидел на груди боевика две сочащихся кровью огнестрельные раны, оставленные крупнокалиберными пулями снайперов «Альфы». Пулемет боевика – такой же, – как на блокпосту «ПК» с ленточным питанием, только не на станке, а на сошках, – валялся рядом с телом. А вот снайперской винтовки поблизости не оказалось. Ватутин понял, что пулеметчик был всего лишь огневым прикрытием снайпера. Он жестом подозвал к себе бойцов и, указав пальцем вверх, выразительно посмотрел на потолочное перекрытие между этажами.

По его команде бойцы бросились обратно по коридору к центральной лестнице. Сам же Ватутин, сбросив тяжелые спецназовские ботинки и оставшись в одних носках, бесшумно проскользнул к запасной лестнице пожарного выхода и быстро взбежал по ней на четвертый этаж. Коридор был пуст. Каждую секунду ожидая выстрелов, Ватутин заглянул в ближайшее к лестнице помещение – никого. Зато из противоположного конца коридора донесся топот приближающихся шагов. Не опуская автомата, Ватутин резко развернулся на шум – к нему навстречу спешили поднявшиеся по центральной лестнице бойцы. Жестами приказав товарищам обследовать выходящие в коридор помещения, Ватутин нырнул в комнату, откуда, по словам дозорных, стрелял чеченский снайпер. Наблюдатели не ошиблись – на полу тускло отблескивала свежая винтовочная гильза. Но куда тогда делся стрелок? Ушел, оставив пулеметчика прикрывать его отход? Вряд ли. Обычно снайперы не расстаются со своим боевым охранением. Разве только после того, как сняли пулеметчика. Но как он смог выбраться, ведь обе лестницы были заблокированы? Немыслимо!

Ватутин вызвал по рации снайперов своей группы:

- «Грачи», доложите обстановку.
- Все тихо, командир, – последовал немедленный ответ.
- Движение в здании?
- Только вы трое. Больше никого.

В комнату заглянули осматривавшие соседние помещения бойцы:

- Чисто, командир. Проверили весь этаж – никого. Как сквозь землю, гад, провалился.

Ватутин не ответил. Его взгляд уперся в шахту вентиляционного короба, в которой на высоте человеческого роста зияла полуметровая дыра. Подойдя к шахте, он запустил в дыру руку и вытащил наружу привязанный к стальной арматуре пятнадцатиметровый капроновый трос.

– Вот и ответ, – повернувшись к бойцам, он показал им конец вытасченного из шахты троса.

– Как же он туда пролез? – удивился один из «альфовцев», разглядывая пробитую в вентиляционной шахте дыру. – Тут и без оружия-то не втиснуться, а уж со снайперской винтовкой...

Вместо ответа Ватутин снова опустил глаза в пол. Он уже знал, что там увидит, и вскоре, обнаружив то, что искал, подозвал к себе своих бойцов.

– Вот это да, – присвистнул один из них.

– Сучка, – резко выдохнул другой, разглядывая оставшийся на штукатурке отпечаток подошвы женской кроссовки тридцать шестого размера.

– Стой! Ты кто?! – внезапно раздался снаружи требовательный окрик.

– Не стреляйте, дядя! – прозвучал в ответ тонкий, совсем еще детский голос.

Оттолкнув в сторону оказавшихся на пути бойцов, Ватутин бросился к окну и, увидев возле здания чеченскую девушку, а напротив нее одного из своих бойцов, истошно крикнул:

– Держи ее, это снайпер!

Но было уже поздно. Чеченка распрямилась подобно пружине, швырнув в спецназовца прижатую к животу гранату. В ту же секунду грянул взрыв. Бойца «Альфы» отбросило в сторону. Чеченка с завидной прытью рванулась вперед. Но Ватутин уже поймал ее на мушку своего автомата и в следующее мгновение нажал на спуск. Автоматная очередь хлестнула ее по спине. Хрупкая женская фигурка переломилась и, рухнув на землю, осталась лежать неподвижно.

Ругая себя последними словами за нерасторопность, Ватутин бросился по лестнице вниз. Командира «альфовцев» захлестнула ярость. Подбежав к застреленной им чеченке, Ватутин резко перевернул ее на спину. На него уставилось совсем еще молодое девичье лицо с остекленевшими холодными глазами.

Стиснув зубы, Ватутин застонал:

– Тебе бы детей рожать, а ты что наделала?

Разорвав ворот платья чеченки, он оголил девушке правое плечо. И тут же новая волна ненависти захлестнула его с головой. Все правое плечо чеченки и верхнюю часть ее по-детски маленькой груди покрывал сплошной желто-лиловый синяк, набитый прикладом снайперской винтовки. Ватутин поднялся в полный рост и с презрением плюнул на лежащий у его ног труп:

– Тварь.

Ненависть к снайперу-убийце вытравила в нем на мгновение вспыхнувшую жалость. И не, глядя больше на застреленную им террористку, Ватутин зашагал к своему погибшему товарищу...

* * *

– Собаке собачья смерть, – произнес в заключение Чигорин, выслушав его рассказ. – Знаешь что, Сашка. Давай выпьем за парней настоящих, которые жизни свои положили, чтобы остальные люди жили, любили, детей рожали. И за то, чтобы сволочи всякой на свете меньше стало!

– Хороший тост, – кивнул головой Ватутин. – Только за это кофе как-то не пьют.

– А кто говорит про кофе?

Чигорин сноровисто отпер сейф, нагнулся и вытащил с нижней полки из-под стопки бумаг непечатую бутылку водки, а из ящика письменного стола – пару вставленных друг в друга пластиковых стаканчиков. Вскрыв бутылку, он до половины наполнил стаканчики и протянул один из них Ватуину:

– Давай.

Они молча выпили, и Чигорин, завинтив бутылку, спрятал ее обратно в сейф. Затем, отхлебнув из чашки изрядно остывший кофе, он обратился к Ватутину:

– Слушай, а ты нашего шефа давно знаешь?

– С 98-го года, – не задумываясь, ответил Ватутин.

– Давно, – покачал головой Вадим. – Мы с ним только в 2000-м познакомились. – И тут же снова вскинул взгляд на Ватутина. – А вы где познакомились?

– Здесь, в Москве. На одной операции.

– Расскажи, – не унимался Чигорин.

Но Ватутин отрицательно покачал головой:

– В другой раз.

Воспоминания о погибшем в Грозном товарище, в смерти которого Александр чувствовал свою вину, вновь вскрыли так и не зажившую рану в его душе.

15. Востряковское кладбище, Москва

12 мая – вторник 14.05

Стоя в задних рядах траурной процессии, Алексей Бельков наблюдал, как очередной друг или знакомый покойного академика Корчагина произносит свою прощальную речь. Вокруг – слева, справа и впереди толпились многочисленные коллеги, ученики и просто друзья Корчагина. Бельков никак не ожидал, что прощальная панихида окажется столь многолюдной. Никого из присутствующих, кроме Ирины, стоящей возле свежевырытых могил, да вездесущего полковника Егорова, Алексей не знал, и это было плохо, так как некому было задать интересующие его вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.